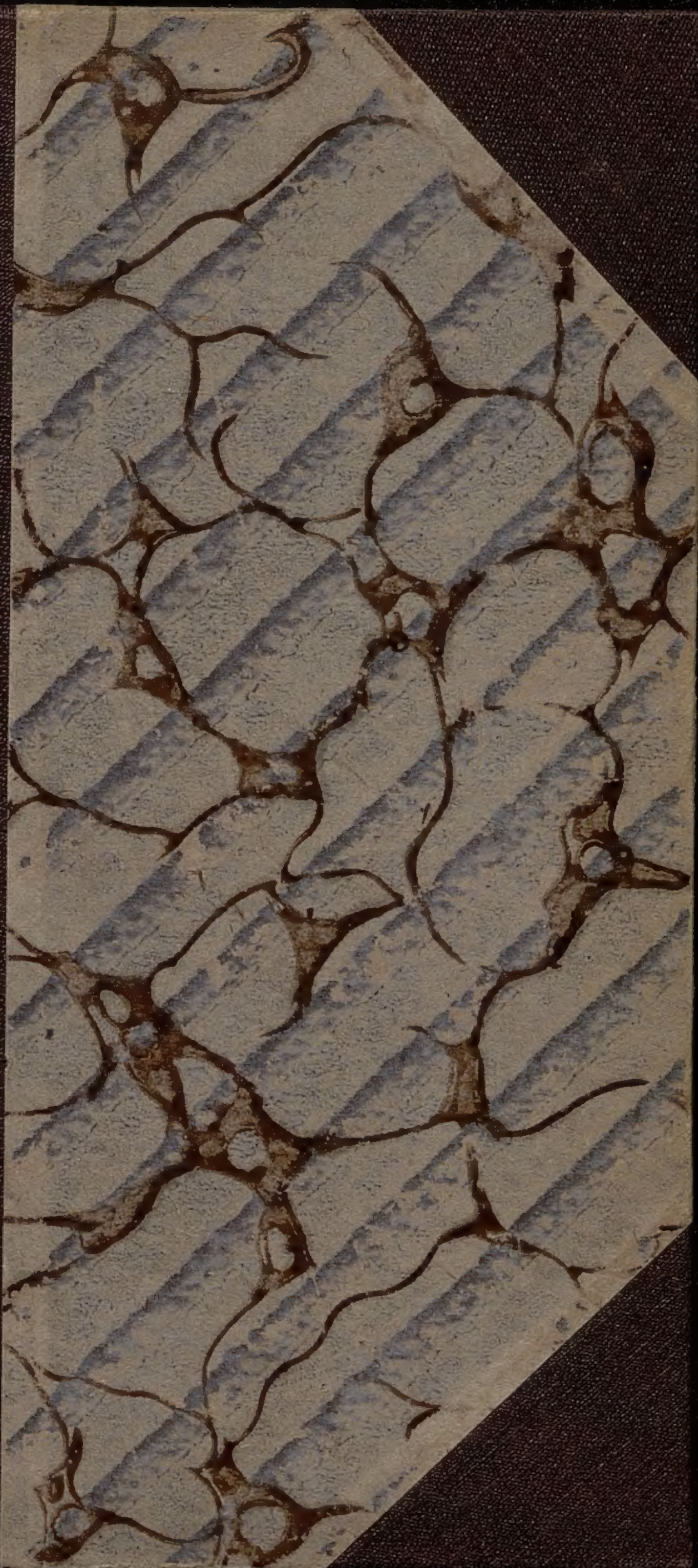
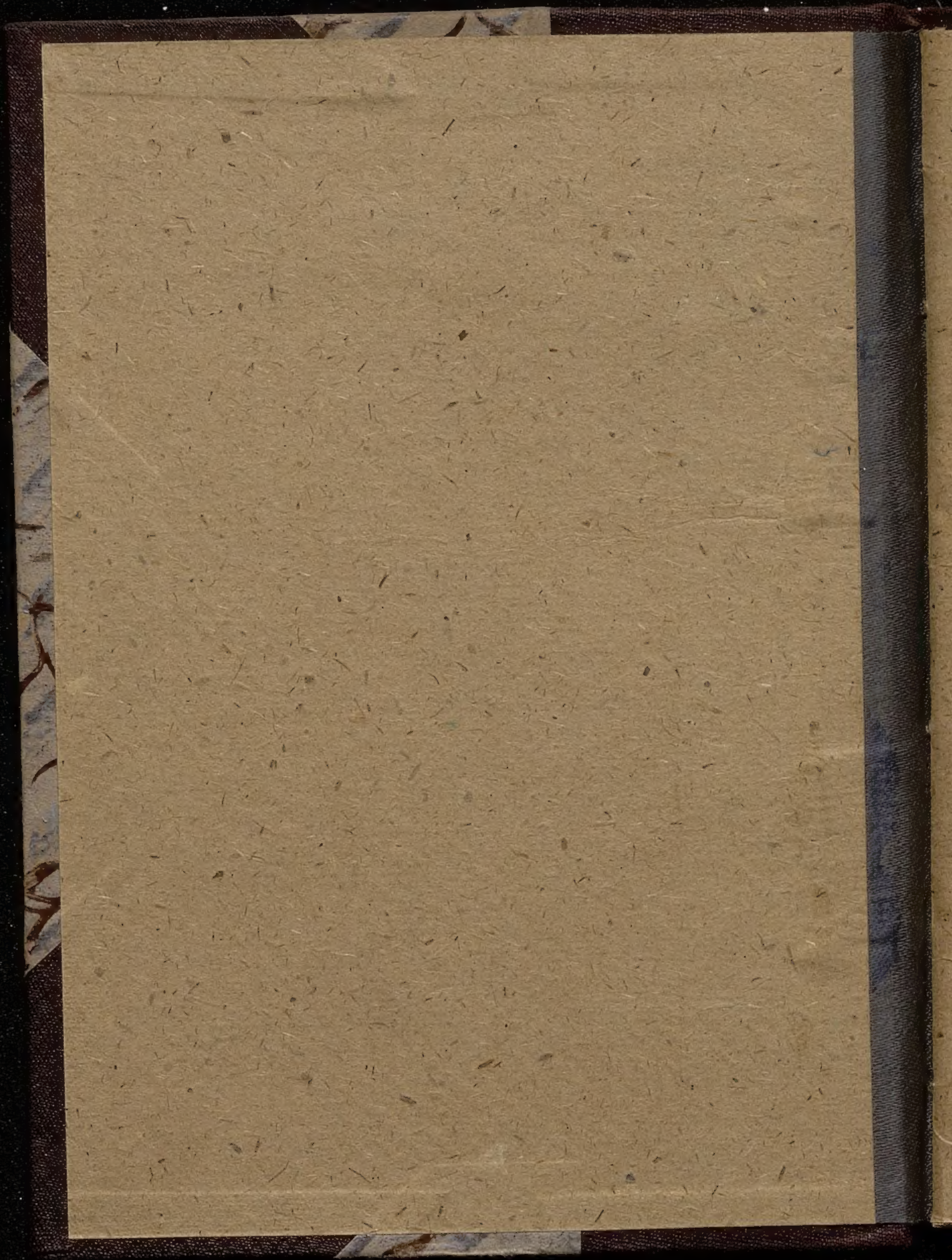
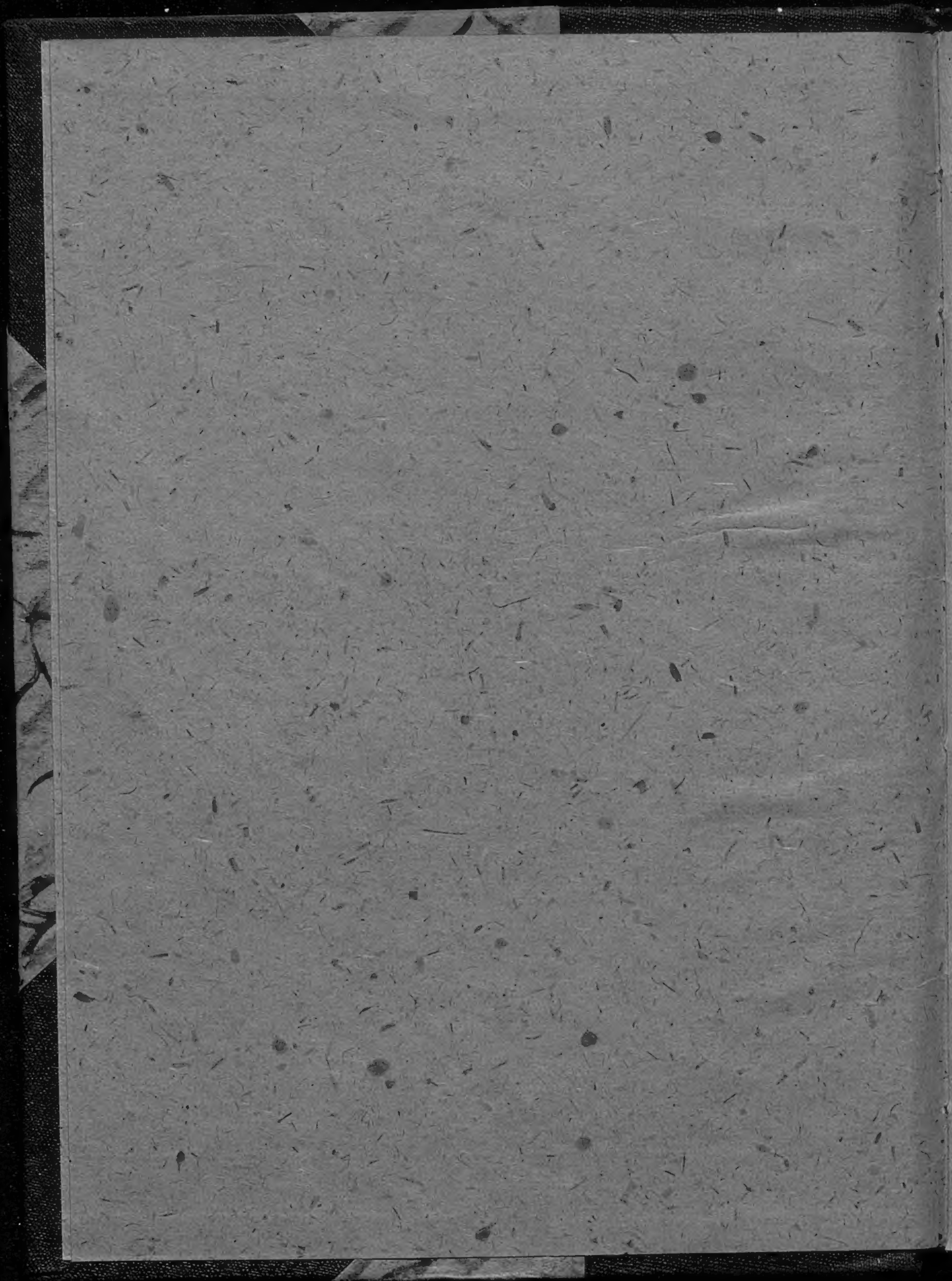
Агурский

Октябрьские бои в Москве

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. АГУРСКИЙ

октябрьские БОИ в Москве

Мособлпартиздат • 1932

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

С. Агурский

Октябрьские бои в Москве

Московское областное отделение Партиздата
1932

Оглавление

Редактор И. И. Ворошилин
Технический редактор Л. Назарова
Сдано в производство 1 ноября 1932 г.
Подписано к печати 17 ноября 1932 г.
Уполн. Главлита В – 30 800
Тираж 10 000
Моспартиздат № 22
Формат бумаги 72 × 105 1/32
5 1/2 п. л. 32 822 зн. в п. л. Заказ № 960

Тип. Изд-ва «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9.

Июльские дни

Лозунг «вся власть советам», выдвинутый большевистской партией под руководством Ленина после Февральской революции, все глубже проникал в среду широчайших слоев трудящихся. В июньские дни рабочие и солдаты уже демонстрировали с этими лозунгами по улицам Петрограда и других городов.

3—4 июля 1917 г. петроградские рабочие и солдаты делают первую попытку свергнуть с оружием в руках буржуазное Временное правительство и передать всю власть советам. Эта героическая попытка тогда не удалась, ибо большинство рабочего класса еще не было подготовлено к борьбе за советскую власть, и если бы власть в те дни была захвачена, то вряд ли она была удержана.

Давая анализ событиям того исторического периода, Ленин писал:

«...3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков»[1].

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 196.

После июльского поражения петроградских рабочих и солдат Временное правительство при содействии буржуазии, меньшевиков и эсеров предпринимает наступление против петроградских рабочих и солдат, в первую голову против большевиков. В Питере и других городах начинаются аресты и убийства. Большевистская печать подвергается разгрому и запрету. «Социалист» Алексинский выступает со своими ложными обвинениями против Ленина и других вождей нашей партии, обвиняя их в шпионаже в пользу Германии, от которой они якобы получают деньги за разложение армии. Вся печать — как буржуазная, так и меньшевистская и эсеровская — вела злобную травлю Ленина и нашей партии. Все враги пролетариата требовали немедленного ареста Владимира Ильича и суда над ним. Ленину пришлось скрыться и руководить подготовкой революции из подполья. Многим большевистским организациям приходится перейти на полулегальное положение. После разгрома питерских рабочих между буржуазией и мелкобуржуазными социалистическими партиями был заключен единый фронт. Вожди меньшевиков и эсеров вместе с Милюковым и Пуришкевичем во главе с попами и офицерами 15 июля участвовали в похоронной процессии казаков, убитых во время усмирения рабочего и солдатского выступления в Петрограде. При помощи меньшевиков и эсеров буржуазия стала собирать силы для общего наступления на рабочий класс и против революционной армии.

9 июля генерал Корнилов посылает телеграмму Керенскому с требованием введения смертной казни на фронте. Это требование было удовлетворено Временным правительством, и к тому же 18 июля оно назначило Корнилова главнокомандующим армии.

20 июля съезд всероссийского союза торговли и промышленности под председательством Рябушинского принял декларацию, в которой призывает «спасти свободную Россию от разлагающей ее революции».

25 июля реорганизовалось Временное правительство, которое Ленин характеризовал как ширму, служащую для прикрытия контрреволюционных замыслов кадетов и милита-

ристской клики. Это новое правительство подготовило почву и содействовало контрреволюционному выступлению Корнилова. В эти дни, когда буржуазия торжествовала свою победу над петроградским пролетариатом, собрался VI съезд большевистской партии, оценивший в своем манифесте июльские события следующим образом:

«...Меньшевики и эсеры, исполняя волю буржуазии, разоружили революцию и тем самым вооружили контрреволюцию. Им буржуазия предоставила заняться грязным делом усмирения и разгрома. С их молчаливого согласия были спущены с цепи остервенелые псы гнусной буржуазной клеветы против славных вождей нашей партии. Это они вели позорный и постыдный торг головами пролетарских вождей, выдавая их одного за другим рассвирепевшим буржуа. Это они отдали сердце революции, которое стучало на весь мир,— столицу России—на растерзание юнкерам и казакам. С их содействием была разгромлена «Правда» и начался неистовый поход против левого фланга революции».

Июльские дни открыли новую страницу в истории. Впервые решительную победу одержала временно контрреволюция, и власть перешла к буржуазии и военному штабу. До тех пор было двоевластие, до тех пор громадная сила была в руках советов. За ними стояли вооруженные массы солдат и рабочих, свободный народ. Теперь советы обессилили себя. Разоружив рабочих, расформировав полки революции, нагнав в центр казаков, они связали себя по рукам и ногам, они превратились в привесок буржуазного правительства.

«...Но рано торжествует контрреволюция свою победу. Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не стереть слезы матерей и жен. Арканом и петлью не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов»[1].

На VI съезде, являющимся подготовительным к октябрьским боям, т. Сталин в политическом отчете ЦК заявил:

«Но теперь, после того как контрреволюция организовалась и укрепилась путем сдачи в плен всей революционной демократии, после того как союзный капитал и внешний за-

[1] Манифест, Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 237.

ем в руках буржуазии, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки — значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов»[1].

В резолюции, принятой по докладу т. Сталина, говорится:

«В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии.

Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема»[2].

Таким образом мы видим, что в то время когда буржуазия ликовала, радуясь победе, одержанной над революционным движением, в это время съезд большевиков призывал рабочих и беднейших крестьян с оружием в руках ликвидировать диктатуру контрреволюционной буржуазии.

Московское совещание

События после июльских дней развивались с неимоверной быстротой. Новое Временное правительство начало усиленно вырабатывать всяческие планы для укрепления своих позиций и с этой целью решило созвать московское совещание общественных деятелей. О задачах, которые Временное правительство преследовало созывом этого совещания, большевики указывали в своей декларации:

«В этот час правительство, называющее себя правительством «Спасения революции», не выступает против контрреволюции, против партий, отстаивающих восстановление помещичье-буржуазной кабалы и требующих продолжения разбойничьей войны. Наоборот, оно призывает отъявленных

---

1 Речь т. Сталина на VI съезде РСДРП(б), Протоколы VI съезда, стр. 101

2 Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 220.

контрреволюционеров на государственное совещание в Москву, обеспечивает им там подавляющее большинство, собирается окончательно договориться с ними и открыто опереться на них в дальнейшей своей работе. Клейменых врагов народа Временное правительство всенародно признает спасителями страны, могильщиков революции объявляет ее живыми силами. Так Временное правительство подводит итог всей своей политике, направленной на борьбу с рабочими, газеты и организации которых оно громит, на борьбу с солдатами, которых оно «одарило» восстановлением смертной казни, на борьбу с крестьянами, которым оно не дает земли.

Временное правительство само стало орудием контрреволюции и международной реакции. Оно созвало московское совещание, чтобы здесь почерпнуть новые силы для нового похода на все завоевания революции. Ободренные этой дружеской политикой, враги народа — помещики, банкиры, заводчики — сплотились вокруг партии к.-д. для спасения своих военных барышей, поместий и капиталов. Московское совещание для контрреволюционных палачей — удобнейшая возможность столковаться, удобнейшая ширма для организации всероссийского контрреволюционного заговора.

Кадетским предварительным совещанием уже создан постоянный политический центр контрреволюции, опирающийся на вооруженную поддержку командных верхов армии и реакционной части казачества» [1].

Избрав Москву для такого совещания, Временное правительство шло навстречу этим пожеланиям русской буржуазии, бросившей лозунг сразу же после Февральской революции о создании буржуазного политического центра в Москве, с тем чтобы этот центр противопоставить революционному Петрограду.

Еще в марте 1917 г. Рябушинский на московском съезде представителей промышленности и торговли заявил: «Люди земли русской, пора нам домой — в Москву».

---

[1] «Государственное совещание», стр. 336, Гиз, 1930 г.

И призыв Рябушинского о возвращении в Москву стал лозунгом всех контрреволюционных сил.

Выступая на московском совещании, генерал Каледин требовал, чтобы и Учредительное собрание было созвано в Москве. Но напрасны были надежды Рябушинских и Калединых на Москву как на возможный контрреволюционный центр, который буржуазия могла бы противопоставить красному Питеру. Под руководством большевиков московский пролетариат вскоре показал буржуазии, что она ни в коем случае не сумеет укрыться в Москве от грядущей пролетарской революции. Как только решение Временного правительства о созыве московского совещания стало известным, ЦК большевиков 6 августа в своей резолюции так характеризовал это совещание:

«Московское совещание, составленное в преобладающем большинстве из представителей таких учреждений свергнутого революцией строя, как царская Государственная дума, являющаяся гнездом контрреволюции, и из представителей многочисленных организаций крупнейшей буржуазии, имеет своей задачей подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман. В то время как самим созывом московского совещания организуется центр контрреволюционной буржуазии, советы, солдатские и крестьянские комитеты систематически низводятся до роли простых придатков империалистического механизма. В то время как собирается московское совещание, Учредительное собрание откладывается все дальше и дальше.

Буржуазия осторожно, но неуклонно идет к своей цели, к срыву Учредительного собрания, к подмене его такими органами, где ей обеспечено преобладание.

Вследствие этого московское совещание имеет своей задачей санкционировать контрреволюционную политику, поддерживать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян.

Таким образом московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями — эсерами и

меньшевиками, — на деле является заговором против революции, против народа»[1].

Исходя из этой характеристики, Московский комитет партии призвал рабочих устроить Калединым и Рябушинским достойную встречу.

«Социал-демократ» в ряде статей призывал рабочих протестовать против совещания. Так в номере от 9 августа газета в передовой пишет:

«Передовой борец за революцию—пролетариат—не должен оставить без внимания это новое наступление на нее. В самом совещании дела ему будет немного: в стенах Большого театра он вместе с крестьянством будет составлять не более $^1/_5$ высокого собрания. Его голос утонет там в контрреволюционном вое. Но тем сильнее должен раздаться этот голос в стране. Он должен показать, что контрреволюция только и сильна там за стенами, что в стране сторонников ее ничтожная кучка, и если эта кучка организована, то и пролетариат организован не хуже ее. Пролетариат и крестьянство — вот хозяева страны и своего достояния кучке буржуазии они не передадут. Пусть всем будет ясно, что пролетариат стоит на страже революции и во всякое время, как один человек, готов выступить на ее защиту.

Московскому пролетариату здесь достанется главная роль. Он должен показать, что достоин своих петербургских товарищей и что правительству от революционного пролетариата не убежать. Времени осталось мало, оно не должно быть упущено»[2].

Московские большевики не ограничились одними статьями в «Социал-демократе». 8 августа МК созвал собрание правлений 41 профсоюзов, на котором покойный Скворцов-Степанов в своем докладе от имени большевиков подробно разъяснил контрреволюционный характер московского совещания. В своей речи представитель большевиков призывал пролетариат к массовому протесту против замыслов контрреволюции.

---

[1] «Государственное совещание», стр. 331.
[2] «Социал-демократ» № 129 от 9/22 августа 1917 г.

Меньшевики и эсеры пытались на этом собрании опровергнуть доводы большевиков о контрреволюционном характере московского совещания, настаивали на поддержке государственного совещания, но получили достойный ответ от представителей московского пролетариата, которые в своих выступлениях требовали отрицательного отношения к совещанию.

Собрание правлений профсоюзов в заключение огромным большинством голосов приняло предложенную большевиками резолюцию об организации однодневной забастовки протеста.

Временное правительство убедилось, что Москва вовсе не является для него таким безопасным местом, как оно раньше предполагало. Керенский тогда принял меры к усилению военной охраны в городе, в особенности вокруг Большого театра, где происходило совещание.

В связи с этим чрезвычайными мероприятиями «Социал-демократ» обратился к московским рабочим:

«Огражденное штыками будет заседать государственное совещание. Дело пролетариата показать, что ни штыками, ни карами ему не заткнуть рта и что даже без «искусственных препятствий» голос буржуазии прозвучит слишком слабо. Контрреволюционная затея должна быть сорвана. В день московского совещания должен быть организован массовый протест против подделки народной воли» [1].

10 августа состоялась общегородская конференция большевиков, на которой была принята резолюция организовать однодневную всеобщую забастовку протеста, а 11 августа «Социал-демократ» уже призывает рабочих к этой забастовке.

Московский совет, возглавляемый тогда блоком меньшевиков и эсеров, высказался против забастовки и даже осудил ее.

Московское совещание открылось 12 августа. В передовой газета «Социал-демократ» в этот день призывает московский пролетариат бросить работу и начать борьбу с буржуазией:

---

[1] «Социал-демократ» № 130 от 10/23 августа 1917 г.

«Сегодня мы возобновляем великую борьбу. Решительность, дисциплина и выдержка обеспечат нам победу»[1].

На призыв большевиков 400 тыс. рабочих бросают работу, «торжественно приветствуя» представителей буржуазии и помещиков всеобщей забастовкой, парализовавшей всю жизнь в городе, оставив «живые силы» контрреволюции без света и продовольствия. Эта мощная демонстрация протеста московского пролетариата наглядно показала, что буржуазия слишком рано торжествовала победу над большевиками.

О великом значении гигантской забастовки протеста «Листок социал-демократа» 13 августа писал:

«Из революционного Петрограда они приехали в первопрестольную Москву.

Надеялись, что пролетариат Москвы позволит им спокойно усесться в Большом театре и изливать свое красноречие.

Надеялись, что пролетариат Москвы позволит контрреволюционной буржуазии без звука, без протеста сговориться против него.

Надеялись, что успели усыпить революционный дух рабочего класса, сковать его волю.

Окружили зал совещания войсками, даже специально привезли войска в Москву».

В том же номере этой газеты в статье «Жива революция» говорилось:

«В стройную песню, затянутую кадетско-казацко-буржуазным хором, ворвался новый мощный голос — голос революционного пролетариата. Этот голос звучит, как «говор грома над равниной в облаках». Он поет старую неумирающую песню, песню революции и свободы. И грохот пролетарских голосов в первый же день исполнения контрреволюционной симфонии покрыл весь хор черного стана.

Еще жива революция! Мощной стачкой 12 августа московский пролетариат доказал воронью, слетевшемуся клевать труп революции, что для этого время еще не пришло, да и не придет.

---

[1] «Социал-демократ» № 132 от 12/25 августа 1917 г.

Эта стачка была большим сюрпризом для господ устроителей совещания. Совершенно неожиданно пролетариат лишил их огня и воды. Эсеровская городская управа напрасно озаботилась предоставлением членам совещания бесплатного проезда на передних площадках трамвая. Рабочие отменили решение управы: они предоставили участникам «Земского собора» право совершенно бесплатного путешествия пешком по тротуарам столицы...»

Вот какую «торжественную» встречу московский пролетариат устроил «спасителям» родины и революции. Контрреволюционный характер московского совещания, на который большевики указывали еще перед его открытием, в течение 4 дней работы совещания стал ясен для всех. Бурная овация, устроенная Корнилову во время его появления на трибуне, после того как Керенский представил его как «первого солдата Временного правительства», аплодисменты, которыми сопровождалась речь этого «солдата Временного правительства», требовавшего немедленного введения генеральской диктатуры, со всей отчетливостью показали, что контрреволюция готовит почву для своей диктатуры. Не менее отчетливо выявляются замыслы инициаторов совещания в речи Каледина, также сопровождавшейся единодушными аплодисментами и возгласами «браво». Вот что Каледин говорил:

«Для спасения родины мы намечаем следующие главнейшие меры: 1) армия должна быть вне политики (аплодисменты справа, возгласы: «Браво»), полное запрещение митингов, собраний (возгласы справа: «Правильно») с их партийной борьбой и распрями; 2) все советы и комитеты должны быть упразднены (шум слева, аплодисменты справа, возгласы: «Правильно») как в армии, так и в тылу (возгласы справа: «Правильно», «Браво», шум слева), кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно», «Браво»); 3) декларация прав солдата должна быть пересмотрена (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно», шум слева) и дополнена декларацией его обязанностей (возгласы: «Бра-

ью», «Верно», аплодисменты); 4) дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами (шум, возгласы справа: «Правильно»); 5) тыл и фронт—единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте; должны быть применены в тылу (возгласы: «Правильно», «Браво»); 6) дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены (возгласы справа: «Браво», «Правильно», бурные аплодисменты, шум и свист слева), вождям армии должна быть предоставлена полная мощь (возгласы справа: «Правильно», аплодисменты)»[1].

Выступление Каледина еще раз подтверждает, что московское совещание явилось по существу покушением против революции, против трудящихся масс. Даже меньшевики вынуждены были признать в статье, опубликованной в «Известиях Московского совета» под заглавием «Об уроках забастовки 12 августа», огромное влияние большевиков, и они задаются вопросом:

«Чем объясняется, что массы пошли за большевиками и почему большевики решили выступить против решения совета?»

И отвечают:

«Не надо забывать, что забастовка вовсе не носила характера анархического выступления, за нее высказалось подавляющее большинство профсоюзов и многие районные советы».

Дальше они объясняют, чем вызвано решение этих органов.

«Недовольство масс контрреволюционным курсом внешней и внутренней политики, взятым Временным правительством VI созыва, растет изо дня в день».

После забастовки 12 августа капиталисты перешли в открытое наступление против московского пролетариата, пытаясь сломить «костлявой рукой голода» его революционное сопротивление.

«Текстильные фабриканты с 17 августа приступили к

[1] «Государственное совещание», стр. 75.

массовому локауту текстильных рабочих. Рабочие потребовали уплаты 2/3 заработка, фабриканты отказались удовлетворить их требования. Текстильщики заволновались. 20 августа состоялось собрание правлений 16 отделений союза текстильщиков, объединявших около 110 тыс. рабочих. В принятой резолюции текстильщики настаивали, что если предприниматели не подчиняются регулирующим органам, созданным демократией, то советы должны взять власть в свои руки и заставить выполнить волю революционной демократии. Кроме этого в резолюции намечался целый ряд экономических мероприятий. Эти требования были рассмотрены на собрании представителей 27 профессиональных союзов, которые внесли их 22 августа на обсуждение в исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов, сопроводив со своей стороны требованием выпуска воззваний к армии с объяснением причин забастовки и политики буржуазии, а кроме того требуя от Временного правительства немедленного осуществления всей экономической программы Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов. Они просили совет, чтобы он предложил ВЦИК всей силой политического влияния поддержать требование московского пролетариата. Во время прений в исполкоме выяснилось, что массу текстилей трудно удержать, и она через головы рабочих организаций расправится с предпринимателями. Совету приходится уделять все больше и больше внимания экономическим вопросам, ибо контрреволюция стремится «костлявой рукой голода» задушить революцию, проводя систематический локаут, развивая в то же время бешеную травлю против советов рабочих и солдатских депутатов.

В это время на фронте «бравые» генералы подготовляют части для сокрушительного удара по революционным завоеваниям рабочего класса»[1].

Эту задачу взялся осуществить герой русской контрреволюции генерал Корнилов.

---

[1] Е. Игнатов, Московский совет рабочих депутатов в 1917 г., стр. 311.

Выступление генерала Корнилова

Выступление генерала Корнилова подготовлялось еще перед московским совещанием, и организаторы его считали, что после того как совещание подготовит общественное мнение, им легче удастся осуществить свои контрреволюционные замыслы и установить генеральскую диктатуру. В этом весьма откровенно сознается буржуазная газета «Утро России», заявившая 12 августа в передовой статье следующее:

«Нужна сильная власть, твердая, незыблемая... она должна начаться с армии и распространиться на всю страну... Кто другой так мучительно сейчас нужен для дела, для работы на спасение гибнущей армии и с ней вместе родины, как не военные народные герои, украшенные белыми орлами».

Понятно, что военным «народным героем», украшенным белыми орлами, был генерал Корнилов, встреченный с такой торжественностью на московском совещании. Однако контрреволюции не удалось провести свой задуманный план в Москве, ибо выступление московского пролетариата 12 августа убедило ее, что Москва является ненадежным центром для начала контрреволюционного восстания, и корниловцы были вынуждены начать свои действия с фронта, откуда и предприняли поход на Москву и Петроград. Корниловское выступление началось через несколько дней после московского совещания.

В конце августа Корнилов сдал немцам Ригу и, несмотря на глубокий прорыв фронта, снял свои «дикие» дивизии, направив их на Петроград.

Наступление генерала Корнилова подняло на ноги весь рабочий класс России. С молниеносной быстротой пронесся призыв к борьбе для защиты революции, и рабоче-крестьянские массы во всей стране как один человек с оружием в руках выступили против контрреволюционной авантюры Корнилова, ликвидировав его выступление в течение 4 дней.

С ликвидацией корниловского восстания начинается но-

вый этап в развитии революции. Рабочие массы не удовлетворились одной ликвидацией контрреволюционного выступления буржуазии, они немедленно начали организовывать свои собственные вооруженные силы для новых, более решительных боев с капиталистами и помещиками.

Восстание генерала Корнилова открыло массам глаза, и трудящиеся убедились в том, что Временное правительство вместе с меньшевиками и эсерами привело своей политикой страну к контрреволюции.

Это восстание убедило трудящихся во всей стране и в том, что революция еще не закончена, что необходимо готовиться к новым боям.

Организация московской Красной гвардии

После корниловских дней на революционную арену выступает вооруженная массовая организация пролетариата — Красная гвардия, сыгравшая громадную роль во время Октябрьского переворота.

Фундамент Красной гвардии был заложен в Москве сейчас же после Февральской революции. В своей книге «Красная гвардия в Москве в борьбе за Октябрь» т. Пече рассказывает:

«На совещании в МК в конце марта месяца был поставлен вопрос о боевой организации нашей партии с учетом боевого опыта 1905 г. На этом совещании присутствовали товарищи: Штеренберг, Воронцов, Мария Петрова, Маленьков, Добрынин, Дидак, Переверзев, Зимин, Юревич, Стрелков, Пан, я и другие (почти все участники борьбы 1905 г.). Здесь обсуждался также вопрос о названии рабочих вооруженных отрядов. Было предложено несколько названий: «боевые дружины», «народная милиция» и «красная гвардия». Было принято последнее название. Решили организовать Красную гвардию в первую очередь на заводах Москвы и в важнейших стратегических пунктах провинции, главным образом на оружейных заводах и складах».

«Мы брали на учет оружие из «архива» вместе с ору-

жием, приобретенным во время Февральской революции, и усиленно готовились к новым решительным боям с буржуазией»[1].

14 апреля Московский комитет большевистской партии обсудил вопрос «о милиции, Красной гвардии и боевых дружинах». Первым по этому вопросу высказался т. Штеренберг, заявивший:

«Комитет общественных организаций реорганизует милицию, которая должна будет представить собой нечто вроде «Красной гвардии». Это должно быть кадром народных войск. Надо, чтобы партия имела туда доступ и дала возможность попасть и другим товарищам. Вношу следующие предложения:

1. Вступить товарищам в «Красную гвардию».

2. Через СРД обратиться в Комитет общественных организаций с предложением, чтобы предпочтение отдавалось если не членам партии, то рабочим.

3. Необходимо учредить заводские дружины, которые явились бы охранителями завода. Таким образом фабриканты должны были бы приобретать оружие.

4. Организовать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия»[2].

Предложение Штеренберга было принято МК, выделившим комиссию для руководства этой работой. 14 мая МК возлагает работу по организации Красной гвардии на товарищей Пече и Штеренберга, которые создали центральный и районные штабы Красной гвардии, после чего приступили к формированию красногвардейских ячеек на заводах. Ячейки занимались сбором оружия и обучали своих членов военному делу. Первые ячейки московской Красной гвардии имели большое сходство с боевыми отрядами времен подполья.

В корниловские дни положение совершенно изменилось. В эти дни во всей стране между всеми трудящимися разносится лозунг «к оружию!» На всех фабриках и заводах рабочие требуют оружия для защиты завоеваний револю-

[1] Пече, Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь, стр. 10.
[2] Там же, стр. 11.

ции. Вместе с тем возникает вопрос и о Красной гвардии. 29 августа Московский совет профсоюзов принимает следующую резолюцию по поводу выступления Корнилова.

«Считая, что дело революции наиболее дорого пролетариату и деревенской бедноте, собрание считает необходимой для успешной борьбы с контрреволюцией организацию вооружения истинных представителей революционных масс, необходимо в экстренном порядке поголовное вооружение всех организованных рабочих и образование Красной гвардии».

Требование московских рабочих о вооружении были настолько настойчивы, что даже Московский совет рабочих и солдатских депутатов, состоявший в большинстве из меньшевиков и эсеров, 31 августа вынужден был обсудить вопрос о Красной гвардии. На это заседание совета явилась делегация всех районов, требовавшая вооружения рабочих. В своих речах представители районов заявили:

«Тов. Акинфиев (от Городского района). Как только получилось сообщение о заговоре Корнилова, в районе было созвано делегатское собрание с участием заводских комитетов, где была принята резолюция, требующая вооружения рабочих и революционных солдат, предания суду контрреволюционных генералов и разоружения контрреволюционных войск, закрытия буржуазной прессы: «Русское слово», «Утро России» и т. п. Просить у Центрального совета автомобиль для наблюдения за районами, установить там пикеты.

Тов. Тер (от Замоскворецкого района). По нашему глубокому убеждению сейчас такой момент, когда рабочие должны быть вооружены для защиты себя и своих организаций. Все заводы и районные советы вынесли резолюции о вооружении рабочих.

Тов. Телешев (от . . . . района[1]). Оружие рабочим нужно для защиты от буржуазии, так как за Корниловым стоит капитал. Мы должны сплотиться сейчас в одну армию и вооружиться против врага, который поднимает голову при приближении корниловских войск сюда.

[1] В подлиннике название района не указано.

Тов. Свободин (от Замоскворецкого района). Высказываясь за вооружение рабочих, указывает и на необходимость реорганизации комиссариатов. Тов. Свободин возмущается оставлением до сего времени Корнилова в роли главнокомандующего и настаивает на вооружении рабочих.

Тов. Столбовский (от Симоновского района). Мы, делегаты, обращались к совету неоднократно с просьбой дать оружие рабочим и всегда слышали отрицательный ответ — нет оружия. Если у совета нет оружия, то дайте нам разрешение, и мы сами его найдем. Иначе рабочие вынуждены будут действовать помимо советов.

Тов. Зародин (от Басманного района). Боевые дружины нами организованы. Нет только оружия. Если нет оружия в арсенале, требуем разоружения милиции и передачи оружия рабочим дружинам.

Тов. Вознесенский (от Мытищинского района). Корниловщина ликвидируется, но основа ее остается. Рабочий класс стоит перед наступлением, и он должен быть вооружен. В Петрограде это уже делается. Наш район без различия фракций требует этого, и если центральный орган этого не санкционирует, то это будет сделано снизу.

Товарищ от железнодорожного района указывает на особенную необходимость вооружения железнодорожных дружин, без чего они бывают бессильны против обыкновенного вора.

Тов. Царев (от Пресненского района), т. Лузанов (от Лефортовского района) в общем и целом присоединяются к заявлениям других районов»[1].

Большевистская фракция энергично поддержала требования районов, заявляя в выступлениях своих ораторов, что корниловщина еще не закончена, что схватка с теми, кто стоит за спиной Корнилова, неизбежна, и мы должны ее встретить не с пустыми руками.

Меньшевики и эсеры возражали против общего вооружения пролетариата. Меньшевик Исув попытался запугать ра-

[1] «Из истории московской рабочей Красной гвардии», стр. 13.

бочих тем, что общее вооружение приведет к отправке вооруженных рабочих на фронт для замены сорокалетних солдат. Но под нажимом рабочих масс совет вынужден был принять решение о выделении комиссии, которая должна была в течение двух дней представить план организации рабочих дружин и их вооружения.

Через три дня (3 сентября) комиссия на заседании совета отчиталась в своей работе и от имени большевистского большинства внесла предложение реорганизовать городскую милицию и создать при совете штаб Красной гвардии на следующих началах:

«1. Штаб Красной гвардии организуется при СР и СД и находится в их ведении. Штаб состоит из представителей районных СРД по 1 от каждого и из представителей исполнительных комитетов СРД — 8 человек, ССД — 6 человек и от Центрального бюро профессиональных союзов — 2 человека.

2. Штаб из своей среды выделяет президиум из 5 человек.

Временно президиум составляется из тт. Ведерникова, Слесарева, Когана, Пече и Игнатова.

3. Каждый представитель от района является ответственным организатором перед советами как за оружие, так и за подбор лиц.

4. При заводах организуются десятки, десятки выбирают десятников.

Общее собрание десятников выбирает сотенных. Общее собрание сотенных составляет штаб Красной гвардии района, куда районный СРД посылает от себя представителей по 1 от каждой фракции. Штаб выделяет из себя президиум в 5 человек.

Для изыскания оружия:

1) обратиться в штаб для получения оружия из арсенала; 2) заполучить через подведомственные органы лишнее оружие из комиссариатов; 3) получить оружие, скрытое спекулянтами; 4) попросить заимообразно у воинских частей по 10 винтовок для района через штаб округа; 5) добиться распоряжения об учете всего оружия; 6) вести обучение при ка-

зармах вечером с возвращением оружия обратно после учения; 7) обратиться к шестерке о выдаче по одной винтовке для обучения на 200 человек рабочих (из расчета 500 тыс. рабочих); 8) обратиться к рабочим оружейных заводов с просьбой изготовить оружие в сверхурочные часы.

Предлагается пятерке президиума изыскать все средства к разыскиванию оружия, передав туда все пожелания комиссии.

Поручить комиссии выработать устав Красной гвардии. В состав комиссии выбираются тт. Ведерников, Спасский и Слесарев.

Внести свои постановления завтра в исполнительные комитеты СР и СД.

Внести предложение в исполнительный комитет о приглашении секретаря комиссии.

Штаб Красной гвардии для координации действий выбирает из своей среды двух человек в штаб Московского военного округа, а также и штаб Московского военного округа из своей среды делегирует представителя в штаб Красной гвардии»[1].

Меньшевики и эсеры высказались против этого предложения, заявив:

«...что организация Красной гвардии — это игра в солдатики. Нам нужны определенные дружины для охраны базаров, хвостов и на случай возникновения погромов. Создание Красной гвардии может повлечь за собой очень серьезные последствия в связи с повышением интенсивности труда при изготовлении вооружения, что будет использовано нашими врагами, и скажут, что мы открыли рижский фронт»[2].

Однако после продолжительных прений меньшевистско-эсеровское большинство не посмело отклонить предложение комиссии и против воли принимает решение предложить комиссии в течение 3 дней выработать и представить на утверждение проект «так называемой Красной гвардии».

---

1 «Из истории московской Красной гвардии», стр. 20—21.
2 Там же, стр. 21.

А затем 3 сентября исполком совета был вынужден утвердить предложенный большевиками устав Красной гвардии. Этот исторический боевой документ гласит: «Красная гвардия учреждается для защиты завоеваний революции и охраны порядка в городе наряду с милицией и войсками, а также для усиленной охраны заводов от злоумышленных покушений».

Таковы были задачи, которые на первых порах выдвигались организаторами московской Красной гвардии. После утверждения устава был выделен центральный штаб для руководства новой боевой организацией московского пролетариата, ставшей в самом скором времени в передовых рядах бойцов за Октябрьскую революцию.

Крах соглашательства

Корниловское восстание привело не только к тому, что Красная гвардия под руководством большевиков превратилась в вооруженную массовую организацию московского пролетариата, находящуюся всецело под влиянием большевистской партии, контрреволюционное выступление Корнилова привело также к политической перегруппировке сил. Корниловское восстание открыло глаза широким рабочим и крестьянским массам, и они окончательно убедились в предательской роли меньшевиков и эсеров.

3 сентября после ликвидации корниловского восстания Ленин в проекте резолюции по политическому моменту писал:

«9. Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевист-

ские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д., — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян.

Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы.

10. Перед рабочими и крестьянами России нет абсолютно никакого выхода кроме самой решительной борьбы и победы над помещиками и буржуазией, над партией к.-д., над генералами и офицерами, сочувствующими ей. А на такую борьбу и на такую победу может вести народ, т. е. всех трудящихся, только городской рабочий класс, если в его руки перейдет вся государственная власть и если его поддержат беднейшие крестьяне.

...16. Доверие крестьянской бедноты к городскому рабочему классу, подорванное на время клеветами буржуазии и надеждами на политику соглашательства, восстановляется особенно после того, как аресты в деревнях и всяческие преследования трудящихся после 5 июля, а затем корниловское восстание открыли глаза народу. Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях, эсеров и меньшевиков, которые эту политику соглашений ввели и провели до конца, все растет, особенно после 5 июля, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигавшая около двух пятых (40%) на последнем «совете» партии социалистов-революционеров и съезде партии меньшевиков»[1].

То, что гениальный вождь Октября писал на третий день после ликвидации корниловского заговора, вскоре осуществилось. Широкие массы рабочих и крестьян восприняли по всей стране лозунги большевиков, начав борьбу за их реализацию. В важнейших центрах советы переходят в руки боль-

[1] Ленин, т. XXI, стр. 138—140.

шевиков. В Москве этот процесс продолжался в течение месяца. В конце сентября и начала октября происходят перевыборы районных дум, причем большевики получают 52% всех голосов. Из 17 тыс. солдат Московского гарнизона 14 тыс. голосовали за большевиков. Во всех районных думах и управах большевики получают большинство. Одновременно большевики получают руководство и в Московском совете. Это явилось громаднейшей победой для нашей партии. Об этой победе Ленин неоднократно писал и особенно он этот факт подчеркивает в своем письме к Петроградской конференции.

«...Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь»[1].

То же самое Ленин пишет в тот же день в своем письме к ЦК, МК и членам Московского и Петроградского советов.

«...Медлить — преступление. Ждать съезда советов—ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому»[2].

К выводу о том, чтобы Московский совет первый взял власть в свои руки, Ленин пришел на основе событий, происходивших до 7 октября. Большевистские лозунги после 7 октября все более и более охватывают рабочую и солдатскую массу. Рабочие Москвы начинают наступление против

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 290.
[2] Там же, стр. 293.

капиталистов. Вспыхивает с новой силой забастовочное движение, охватывающее почти все отрасли промышленности. Капиталисты вновь пытаются взять рабочих голодом, объявляя локауты.

12—17 октября состоялась городская конференция фабрично-заводских комитетов, заявившая в одной из своих резолюций:

«...Немедленный переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для передачи земли крестьянским комитетам, установления рабочего контроля, ликвидации войны на почве демократического мира, реорганизации продовольственного дела, созыва Учредительного собрания».

Кроме того конференция считала, что «совет должен теперь же своей властью декретировать удовлетворение требований рабочих в тех отраслях труда, где в настоящее время назревает стачка. Совет должен открыть закрытые локаутчиками предприятия и воздействовать на них всеми мерами принуждения. Совет должен в корне пресекать всякие попытки организованных заговоров буржуазии».

Этими вопросами в то время занялось также и объединенное заседание Московского центрального бюро профсоюзов. На этом заседании представители профсоюзов подчеркивали, что на данном этапе борьба пролетариата за экономические улучшения тесно связана с его политической борьбой за переход государственной власти в руки рабочего класса. Это заседание предложило исполнительному комитету Московского совета обсудить на совместном заседании с представителями профсоюзов все вопросы, возникающие в связи с забастовками и локаутами. В октябре состоялось такое совместное заседание. Большинство выступавших ораторов заявили, что в настоящий момент экономическая борьба отдельных групп рабочих вышла из рамок своего предприятия, и рабочие ясно сознают, что только всеобщее выступление рабочего класса под лозунгом «вся власть советам» может урегулировать отношения и улучшить положение рабочего класса.

Меньшевики и эсеры в своих речах указывали, что бро-

шенный большевиками лозунг «вся власть советам» не внесет никаких улучшений в положение рабочего класса.

Но, несмотря на возражения меньшевиков и эсеров, указанное заседание приняло большинством голосов (46 против 33) резолюцию большевистской фракции, которая гласила:

«На почве хозяйственного разложения страны капиталисты пытаются создать грандиозный локаут и безработицу, грозящие гибелью рабочему классу, саботируя производство и закрывая предприятия, не удовлетворяя целого ряда элементарных требований рабочего класса. В целях обострения кризиса они провоцируют пролетариат на стачку, нарушая своею деятельностью интересы широких кругов населения. Каолиционное правительство не только не поддерживает требования рабочего класса, но и открыто идет против него и его организаций. Исходя из этого, исполнительные комитеты советов рабочих и солдатских депутатов: 1) декретируют по соглашению с Центральным бюро профессиональных союзов удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка; 2) приглашают под руководством профессиональных союзов явочным порядком осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках; 3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, перед угрозой немедленного ареста их советами; 4) одновременно выпускают декрет о мораториуме на квартирную плату; 5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс в создании органов борьбы за переход власти к революционной демократии; 6) поручается исполнительному комитету в кратчайший срок разработать и издать вышеозначенные декреты и соответствующие воззвания» [1].

Когда эта резолюция была поставлена на голосование на одном из пленумов совета, она была принята 332 голосами против 207. Меньшевики, выступившие против резолюции, заявляли, что большевики своим стремлением разрешить ло-

[1] Е. Игнатов, Московский совет рабочих депутатов в 1917 г., стр. 315.

зунгом «вся власть советам» все конфликты, возникающие между капиталистами и рабочими, только обнаруживают этим свое банкротство и бессилие. Но московские пролетарии видели в этом лозунге свое единственное спасение и энергично требовали от совета захвата власти. Ежедневно у здания совета появлялись делегации как отдельных фабрик, так и целых организаций с требованием немедленных решительных действий для свержения буржуазии.

Одними требованиями захвата власти рабочие однако не ограничились. На фабриках и заводах одновременно создавались красногвардейские отряды, которые энергично готовились к решительному бою с Временным правительством за захват власти.

Колоссальный сдвиг, происшедший в настроениях трудящихся масс Москвы и других городов, большевистские решения, принятые Московским советом, вызвали переполох в рядах буржуазии и Временного правительства. Правительство Керенского решило перейти в решительное наступление против советов. 20 октября при помощи казаков-фронтовиков были разогнаны Калужский совет рабочих и солдатских депутатов и профсоюзы, причем казаки разгромили все, что попадало им под руки.

Наступление на Калужский совет всколыхнуло всю рабочую массу. Боевой орган московских большевиков «Социал-демократ» так характеризует эти события:

«Война объявлена. В Калуге разогнаны советы, члены их арестованы, некоторые, по слухам, расстреляны. В городе хозяйничают казаки, посланные по приказанию Временного правительства с Западного фронта. Дело ясно. Правительство объявило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, совершилось: уже не Корнилов, а сам Керенский во главе негодяев-капиталистов открыто идет против народа, которого в течение семи месяцев одурачивали своими речами».

«Война объявлена и военные действия начались, — продолжает передовая статья, — мы должны твердо сказать себе это. Керенский и его агенты — наши открытые враги; никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают: их

бьют... Война объявлена, правительство, капиталисты, помещики сомкнутым строем идут против крестьян, солдат и рабочих. Необходим немедленный отпор. Время разговоров прошло, пора начинать действовать»[1].

Калужские события значительно усилили боевое настроение московского пролетариата. 23 октября Московский совет издает декрет, являющийся по существу объявлением войны капиталистам. В этом историческом документе, известном под названием «Декрет номер 1», было сказано:

«1. Прием и увольнение рабочих производятся администрацией с согласия фабрично-заводского комитета. В случае несогласия последнего дело передается на рассмотрение районного совета рабочих депутатов, решение которого является обязательным для сторон. До окончательного решения как прием, так увольнение считаются несостоявшимися.

2. Прием и увольнение служащих производятся с согласия комитета служащих.

Примечание 1. В тех предприятиях, где не существует отдельного комитета служащих, прием и увольнение производятся с согласия общего комитета.

Примечание 2. Фабрично-заводской комитет рабочих имеет право опротестовать постановление комитета служащих, причем в этом случае дело разрешается примирительной комиссией при совете рабочих депутатов.

3. Означенное постановление является обязательным для всех предприятий города Москвы. Против виновных в нарушении их совет рабочих и солдатских депутатов будет применять самые решительные меры взыскания вплоть до ареста их».

Декрет номер 1 свидетельствует о том, что огромное большинство совета перешло в решительное наступление против капитала, готовое с оружием в руках бороться за переход власти к советам.

Революционные действия Московского совета привели к тому, что буржуазия начала концентрировать свои силы.

---

[1] «Социал-демократ» № 191 от 24 октября 1917 г.

Главнокомандующий Московским военным округом полковник Рябцев срочно отдал приказ по юнкерским частям, в котором он заявляет:

«В обществе и к сожалению в некоторой части печати распространяются слухи, будто бы округу и в частности Москве кто-то, откуда-то и чем-то грозит. Все это совершенно неверно, а между тем эти слухи волнуют и без того взволнованное население и еще больше сгущают напряженную атмосферу. Родина переживает тяжелые дни, и может быть никогда еще революция и свобода не были в большей опасности, чем теперь. Но эта опасность в той анархии и в погромном настроении, которое разлито и льется по стране, поддерживаемо темными силами на благо реакции.

Армия стоит на страже законности, государственности, порядка и интересов народа. Армия не допустит срыва или отсрочек Учредительного собрания, она не допустит и того, чтобы выборы в него производились под давлением анархических безответственных сил. Стоя во главе вооруженных сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит все войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно» [1].

Так писал Рябцов 24 октября, а несколько дней спустя его «верные солдаты» под руководством партии совместно с рабочими сражались за осуществление лозунга «вся власть советам».

Вот какими гигантскими шагами развивались революционные события в Москве, начиная от конца августа и до начала победоносного наступления петроградских рабочих и солдат против Временного правительства. Вот какой настойчивостью и энергией московская организация большевиков подготовила московский пролетариат и гарнизон к предстоящей борьбе за социалистическую революцию.

---

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 175.

Штрейкбрехеры Октября

Крупный сдвиг, происшедший в настроении рабочего класса после корниловского восстания, тяжелое экономическое положение, в котором очутилась страна благодаря соглашательской политике Временного правительства, — все это привело к тому, что широчайшие массы пролетариата решительно и бесповоротно примкнули к большевикам. На основе этих событий Ленин пришел к выводу, что большевистская партия должна немедленно призвать массы к вооруженному восстанию и к захвату власти. 12 октября Ленин послал письмо в ЦК и в Петроградский и Московский комитеты большевистской партии. В своем письме Вл. Ильич писал:

«Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»[1].

«...Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывает то же самое»[2].

Письмо заканчивается следующими словами:

«Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно кто начнет; может быть даже Москва может начать), мы победим безусловно, несомненно»[3].

Через несколько дней в другом письме, адресованном на имя ЦК партии, Ленин снова указывает, что большинство народа на стороне большевиков, что пора взять курс на восстание, приспосабливая к этому курсу всю тактику партии. В письме Ленин писал:

«Сознав безусловную необходимость восстания рабочих

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 193.
[2] Там же.
[3] Там же.

Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию как к искусству»[1].

Когда эти письма были получены в ЦК, Каменев, выступивший в апреле против ленинских тезисов, и на этот раз высказался против предложений Ленина. В своей резолюции, предложенной ЦК, Каменев заявил: «ЦК, обсудив письмо Ленина, отвергая заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу»[2].

ЦК отклонил резолюцию Каменева, но последний остался при своем мнении о невозможности и недопустимости вооруженного восстания. Ленин продолжал отстаивать свою мысль о подготовке вооруженного восстания для осуществления лозунга передачи всей власти советам. В ряде писем в ЦК и в Петроградский и Московский комитеты Ленин подчеркивал необходимость немедленного включения вопроса о восстании в повестку дня текущей работы партии. 10 октября ЦК большевистской партии в специальной резолюции заявил, что как политическое положение в ряде капиталистических стран, так и развитие революции в самой России свидетельствуют о том, что вопрос о вооруженном восстании достаточно назрел для того, чтобы он был поставлен на повестку дня. Резолюция заявляет:

«Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы»[3].

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 198.
[2] Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917—февраль 1918 г., стр. 65.
[3] Там же, стр. 101.

Против этого исторического постановления ЦК голосовали Каменев и Зиновьев. Зиновьев и Каменев одним голосованием против восстания не ограничились. Назавтра они разослали от своего имени обращение к крупнейшим парторганизациям, резко осуждая постановление ЦК о вооруженном восстании.

В своем письме Каменев и Зиновьев писали:

«Мы глубоко убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбы нашей партии, но и судьбы русской и международной революции».

«...говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы, ни то, ни другое неверно и в этом все дело» [1].

Вот с какими доводами «штрейкбрехеры» выступали против решений ЦК. 16 октября ЦК снова обсуждает вопрос о вооруженном восстании, и снова Каменев и Зиновьев резко высказываются против ленинских тезисов о вооруженном восстании и о захвате власти. Установке Каменева и Зиновьева в вопросе о восстании т. Сталин тогда дал следующую оценку:

«То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контрреволюции сорганизоваться; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию» [2].

И на сей раз ЦК утвердил ленинский тезис и постановил создать революционный центр в составе тт. Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского для руководства вооруженным восстанием. После принятия Центральным комитетом указанного постановления Каменев подал заявление о своем выходе из ЦК, который по его твердому убеждению ведет пролетариат к жестокому поражению. Кроме этого Зиновьев и Каменев назавтра (17 октября) опубликовали заявление в непартийной газете «Новая жизнь» об их отрицательном отношении к восстанию. Чем предали гласности конспиративные решения партии в та-

---

[1] Протоколы, стр. 102.
[2] Там же, стр. 104.
[3] Там же, стр. 119.

ком чрезвычайно важном вопросе, как вооруженное восстание. В связи с этим заявлением Зиновьева и Каменева Ленин прислал в ЦК два письма, в которых называет поведение Зиновьева и Каменева штрейкбрехерством и требует их исключения из партии. В одном из этих писем Ленин говорит:

«Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами выдали им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признать полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати. ЦК исключает обоих из партии»[1].

Несмотря на штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева и их сторонников, большевистская партия под руководством Ленина подготовила пролетариат и беднейшее крестьянство к Октябрьскому перевороту. События развивались с неимоверной быстротой. Московская организация единодушно присоединилась к решению ЦК от 10 октября о вооруженном восстании. После 20 октября политическое положение в Питере стало таковым, что близость вооруженного восстания была ясна для всех. Для избежания восстания Временное правительство решило отправить петроградский революционный гарнизон на фронт, а на место революционно-настроенных солдат привести в Питер контрреволюционные воинские части. Революционный гарнизон самым решительным образом отказался подчиниться приказу Временного правительства, заявив о своем подчинении исключительно совету. 24 октября в Смольном институте открылся II съезд советов, на котором большевики имели громадное большинство. К этому времени приурочивается вооруженное выступление петроградских рабочих под руководством

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 355.

большевистской партии, свергнувших Временное правительство и заложивших фундамент Советского государства.

Буржуазное Временное правительство было легко и быстро свергнуто петроградскими рабочими и солдатами, и 25 октября петроградский штаб пролетарской революции — Военно-революционный комитет — извещает всех граждан России и всего мира:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль за производством, создание советского правительства—это дело обеспечено. Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов».

В то время когда телеграф разнес по всему миру этот исторический документ, меньшевики и эсеры на II съезде советов всеми силами пытались помешать переходу государственной власти к советам. Однако непреклонная воля восставших рабочих и солдат опрокинула все попытки прислужников буржуазии, и II съезд советов начал закладывать фундамент пролетарского государства. Съезд немедленно опубликовал декреты о земле и мире, а 25 декабря вождь пролетарской революции Ленин на заседании Петроградского совета заявил:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократией, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобрели доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочим—спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»[1].

Образование Военно-революционного комитета

О победоносном восстании питерских рабочих и солдат с раннего утра 25 октября в Москве еще ничего определенного не знали. В городе носились различные слухи. В мос-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 4.

ковской печати о восстании еще ничего не было сказано. В «Социал-демократе» была дана передовая под заглавием «Петроград и провинция», в которой газета заявляет, что в Петрограде назревают великие события и указывает, что конфликт между Военно-революционным комитетом и штабом привел к тому, что петроградский гарнизон отныне подчиняется исключительно петроградскому совету. Дальше в этой статье говорится о возможности посылки карательной экспедиции против Петроградского совета, как это было сделано против Калужского совета.

«Социал-демократ» призывает рабочих быть готовыми в любой момент выступить на помощь Петербургу, ибо «революционные действия Петербургского совета должны быть поддержаны по всей России и прежде всего в главнейших центрах. Если правительство окажется бессильным в Петербурге, то оно конечно начнет борьбу в провинции, заменяя революционные войска контрреволюционными, с тем чтобы опереться на них. Это не должно быть допущено. Дело явно идет к открытому, а может быть и вооруженному столкновению. Мы должны зорко следить за стратегическими действиями противника и во-время предупреждать их. Военно-революционные центры по образцу военно-революционного комитета в Петербурге должны быть организованы всюду. Они должны потребовать от правительственных штабов подчинения их контролю, связавшись с войсковыми частями, самим наблюдать за передвижениями частей и в случае, если они окажутся подозрительными, немедленно прекратить их. Организация Красной гвардии должна быть ускорена. Все должно быть в боевой готовности. Мы можем быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными ими врасплох»[1].

Скоро однако выяснилось, что час решительных действий уже настал. В тот же день (25 октября) в 10 часов утра Ногин по телефону из Петрограда сообщил о событиях, а вечером того же дня редакция «Социал-демократ» получила телефонограмму следующего содержания:

---

[1] «Социал-демократ» № 192.

«Временное правительство низложено. Мариинский, Мраморный и другие дворцы окружены войсками Центрального исполнительного комитета. Съезд заседает, ждем его решений».

Получив эти сообщения, Московский комитет большевистской партии немедленно постановил создать боевой центр для руководства предстоящим восстанием[1] и уполномочил двух товарищей (Аросева и Ведерникова) занять вооруженной силой почту, телеграф, телефон, что и было исполнено при помощи отряда 56-го полка. Кроме того было постановлено организовать по примеру Петрограда Военно-революционный комитет.

Московские руководящие органы большевистской партии приняли также срочные меры к концентрации вооруженных сил вокруг здания Московского совета. 25 октября военно-революционный центр при МК обратился в самокатный батальон со следующим отношением:

В самокатный батальон

«Московский комитет, областной комитет, окружной комитет и военная организация при МК РСДРП просят дать охрану для совета рабочих и солдатских депутатов.

К помещению совета на Скобелевской пл. (дом бывш. генерал-губернатора) прислать 1 тыс. самокатчиков, 3 пулемета и 1 грузовой автомобиль. К политехническому музею 100 самокатчиков. Принятие мер для приведения этого в исполнение поручено т. Розенгольцу»[2].

Одновременно начинают концентрировать свои силы и сторонники Временного правительства. Под руководством городского головы эсера Руднева и командующего войсками Московского военного округа Рябцева 25-го утром созыва-

---

[1] Боевая пятерка московской организации большевиков в дни Октября 1917 года, состоявшей из следующих товарищей:
члены: тт. Пятницкий, Владимирский, Соловьев, Яковлев и Стуков;
кандидаты: тт. Кизельштейн, Ломов, Подбельский и Сапронов.

[2] Архив МК ВКП (б).

ется заседание контрреволюционных фракций, на котором было постановлено создать временный демократический орган для охраны «революционного» порядка. Резолюция этого заседания гласит:

«Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революциии от натиска контрреволюционных сил в Москве образуется временный демократический орган, составленный из представителей советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправления, всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа».

И временный демократический орган немедленно приступил к организации врагов пролетарской революции.

В этот же день (25 октября) для создания военно-революционного комитета по инициативе большевистской фракции созывается пленум Московского совета. Это историческое заседание Московского совета происходило в здании Политехнического музея. Несмотря на то, что заседание было закрытое, зала была битком набита народом, который с затаенным дыханием выслушивал сообщения о событиях в Петрограде. Заседание было открыто т. Смидовичем, который в своем вступительном слове сказал:

«Товарищи, широкие массы демократии постепенно в ходе революции приходили к сознанию, что власть в процессе революции для осуществления задач, ею поставленных, должна принадлежать революционной демократии. Наш совет неоднократно уже формулировал своим большинством, что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода в руки СР, С. и К. Д. Мы сейчас в процессе создания этой новой революционной власти. Повторяю, не было еще такого революционного по содержанию момента в ходе нашей революции, как настоящий. Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра власти. Как он будет организован, именно об этом будем сегодня говорить» [1].

---

[1] Сборник «Октябрьское восстание в Москве», стр. 158, Госиздат 1922 г.

Предложение, внесенное т. Смидовичем от имени большевиков о создании в Москве нового революционного центра, встретило самый резкий и враждебный отпор со стороны мелкобуржуазных партий, представленных в совете. Вначале эсеры и меньшевики старались доказать, что информация большевиков о свержении Временного правительства не соответствует действительности. Меньшевик Исув заявил со слов полковника Рябцева на заседании бюро фракции, что Временное правительство еще не арестовано. Правда, обе стороны концентрировали в Питере свои силы, но ни одна сторона не решается сделать первый шаг к вооруженному столкновению. Далее Исув заверил со слов того же Рябцева, что по последним сведениям Петербургский армейский комитет располагает против большевиков двумя дивизиями.

После меньшевика Исува с подобным же заявлением выступил эсер Морозов:

«Из беседы министра Никитина с городским головой Рудневым выяснилось, что все те здания, о которых здесь было сказано, что они заняты, в действительности не были заняты. Затем железнодорожный союз во главе с центральным комитетом подтвердил свое согласие быть на стороне Временного правительства. Телеграфный союз тоже сказал, что будет на стороне Временного правительства. Затем было еще сказано о полках северного фронта. Идет несколько полков к Петрограду. Вот что было там сказано».

Депутат от почтово-телеграфного союза: «В час дня наш председатель главного комитета говорил с Кингом от лица почтово-телеграфного союза, который сказал, что в Петрограде утром явились два неизвестных человека, которые назвались большевиками и которые по просьбе телеграфа и почты ушли добровольно. Это было в 1 час дня. Следовательно почта и телеграф в 1 час дня не были заняты и стоят на стороне Временного правительства. Что будет дальше, я сказать не могу» [1].

Эта ложная информация имела целью вызвать недоверие

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 160.

среди рабочих и солдат к сообщениям большевиков о событиях в Петрограде и напугать московских пролетариев. Но это не удалось. Меньшевики и эсеры стали тогда доказывать, что Московскому совету необходимо выждать, пока не выяснится окончательно положение в Питере. Вместо Военно-революционного комитета они рекомендовали создать общий демократический орган с представительством от земского и городского самоуправления. Этот демократический орган не должен был вести никакой борьбы и охранять порядок и безопасность городского населения.

В ответ на выступления меньшевиков и эсеров большевики заявили, что противники немедленного выступления в помощь восставшему петроградскому пролетариату и гарнизону являются изменниками рабочего класса. Большевики заявили, что в данный крайне ответственный исторический момент долг московского пролетариата присоединиться к петроградцам, что в момент, когда требуются решительные действия, нет места для увиливания от прямого ответа. Надо открыто сказать: «да» или «нет». Надо открыто заявить, с кем мы идем. Большевистская фракция внесла следующую краткую резолюцию:

«Московский совет рабочих и солдатских депутатов выбирает на сегодняшнем пленарном заседании Революционный комитет из 7 лиц. Этому Революционному комитету предоставляется право кооптации представителей от других революционных демократических организаций и групп с утверждением пленума совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей всевозможную поддержку Революционному комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» [1].

Против этой резолюции, предлагающей немедленно организовать Военно-революционный комитет, эсеры и меньшевики выступают с длинными пространными речами, пытаясь доказать, что действия петроградских рабочих и солдат являются безумием.

---

[1] Резолюция взята из книги Игнатова «Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.»

Меньшевик Исув произнес следующую речь:

«Мы должны сейчас предупредить товарищей-петроградцев: «если не поздно, не сжигайте корабли за собой, да не рвите демократического фронта накануне Учредительного собрания, ибо народ иначе не поймет этого как покушение против всенародного Учредительного собрания, вы этим самым изолируете рабочий класс, не раскалывайте его, не представляйте собой легкой мишени для своих врагов. Вместо того чтобы отсюда раздался голос организованных рабочих, голос организованной революционной армии, голос, предостерегающий от безумия, от авантюры, вместо этого нам предлагают не только осветить, что они делают, но пойти в Москве дальше их»[1].

А эсер Ратнер в своем выступлении указал:

«Товарищи, мы, эсеры, всегда стояли за то, чтобы воля народа решалась самим народом, мы против захвата власти, с какой бы стороны он ни шел, мы против диктатуры, откуда бы она ни приходила. Стоя на почве защиты прав народа, стоя на почве защиты верховных прав Учредительного собрания, мы призываем всех, кому дороги завоевания русской революции, кому дорого все то, за что русская революция 50 лет проливала народную кровь, стать на защиту Учредительного собрания против захвата, против диктатуры. Мы говорим: петроградский пролетариат хочет навязать свою волю всей России, и мы призываем рабочих, солдат и крестьян не поддаваться на эту удочку и стойко защищать Учредительное собрание, накануне которого мы находимся, не захватывать власть накануне этого собрания, ибо, товарищи, опасность захвата власти безгранична. Вы знаете, товарищи, что диктатуру не только хочет пролетариат, ее хотят и казаки и Каледин, а если вы первые бросите искру, а если вы первые пойдете, то с другой стороны, со стороны черной сотни, тоже пойдут на захват власти, и раздираемая борьбою за власть Россия потеряет все завоевания революции, ибо они будут затоплены в международной борьбе. Мы призываем вас стать на защиту народной воли, на защиту

---

1 «Октябрьское восстание в Москве», стр. 114.

Учредительного собрания и не подчиняться тем призывам, к которым звал вас т. Розенгольц. Мы, товарищи, тоже искренно и прямо говорим: мы за Учредительное собрание и со всем русским народом против тех рабочих, которые стоят за захват власти. Здесь, в Москве, мы должны видеть одну задачу. В Петрограде уже пошел Петроградский совет против Центрального исполнительного комитета, — да не совершится то же в Москве, да не расколется демократия в Москве, да не пойдет одна часть демократии против другой части демократии»[1].

Но несмотря на все «предупреждения» меньшевиков и эсеров, несмотря на все их доводы против присоединения к «безумному» восстанию в Петрограде, им, как и всем противникам пролетарской революции, пришлось очень скоро разочароваться в своих ожиданиях.

Московский совет стал на сторону большевиков против меньшевистского Центрального исполнительного комитета и Временного правительства.

После многочисленных выступлений меньшевиков и эсеров против предложения о создании Военно-революционного комитета, резолюция большевиков ставится на голосование и принимается громаднейшим большинством. За голосовало 394 человека против—106, 23 воздержалось, а эсеры в голосовании вовсе не участвовали. Таким образом совет постановил создать Военно-революционный комитет. Согласно постановлению Московского комитета партии в ВРК должны были также войти меньшевики и эсеры, но эсеры на заседании совета демонстративно заявили, что они в ВРК не пойдут, а меньшевики заявили, что они входят в этот боевой орган революции с единственной целью — сорвать его работу.

Об этом довольно ясно и открыто сказал меньшевик Югов: «Мы предостерегали членов СР и СД от того опасного места, на который их ведут товарищи большевики. Мы сделали все, что мы могли, для того чтобы удержать рабочий класс и солдат Москвы от того опасного, губительного

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 164.

пути, на который они вступили. Вам угодно было большинством голосов решить, что вы на этот путь идете. Далее мы настаивали на том, чтобы сохранить единство всей революционной демократии, чтобы создан был тот орган, который объединил бы всю революционную демократию. Вы большинством отказались создать такой орган и создаете орган, который будет представлять только одни советы. Перед нами стоит вопрос, как нам поступить? Товарищи, с.-р. решили вопрос просто. Они в этот орган не входят. Мы, меньшевики, так вопрос решить не можем, на такой шаг не пойдем. Наш долг и обязанность — оберегать рабочий класс и московский гарнизон до конца от той авантюры, от того опасного пути, на который вы идете. Поэтому мы в этот орган войдем, но войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в совете, для того чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы»[1].

При таких условиях Московский военно-революционный комитет немедленно приступил к выполнению огромной исторической задачи, стоявшей перед ним.

Перед боем

Военно-революционный комитет был создан и в его состав вошли от большевиков тт. В. М. Смирнов, Михайлов, Усиевич, Ломов, кандидатами Аросев, Москалев и Будзинский, от меньшевиков—Тейтельбаум, Николаев, от объединенцев — Константинов[2].

---

1 «Октябрьскос восстание в Москве», стр. 174.

2 Позднее состав ВРК был увеличен. В него вошли следующие товарищи: 1) Смирнов В. М., 2) Муралов Н. И., 3) Усиевич Г. А., 4) Ломов, 5) Нахтальцев (от временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 6) Кушнер (от Центрального бюро профсоюзов), 7) Пупко (от центрального союза городских служащих и рабочих). Заместители: 1) Аросев, 2) Мостовенко, 3) Ведерников, 4) Рыкунов, 5) Плеханов (от временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 6) Степняк (от

26-го утром Военно-революционный комитет обратился к московскому гарнизону со следующим воззванием:

«Революционные рабочие и солдаты города Петербурга во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих—поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-революционный комитет объявляет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета; 2) никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

Одновременно ВРК издает приказ к заводским комитетам и районным советам, в котором он заявляет:

«Собраться и избрать революционный центр в районе, определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в совете и партии».

Московские профсоюзы, требовавшие с небывалой настойчивостью захвата власти советом, немедленно стали на сторону Военно-революционного комитета и обратились к рабочим со следующим воззванием:

«Пролетарии Москвы! Настал великий час революции. Революционный пролетариат и армия в лице советов рабочих и солдатских депутатов взяли власть в свои руки. Сочувствие всего революционного народа на стороне истинно революционного демократического правительства. Буржуазия и помещики совместно с черной сотней пытаются уронить значение и авторитет новой революционной власти...

временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 7) Монахов (от центрального совета городских служащих и рабочих), 8) Мельничанский (от центрального совета профессиональных союзов). Секретари: Усиевич и Розенгольц.

Скорейшее заключение мира, передача земли крестьянам, гарантия созыва Учредительного собрания, при наиболее благоприятных условиях для выборов, удовлетворение насущных экономических требований рабочего класса, решительная борьба с хозяйственной разрухой — вот программа нового революционного правительства... Новая власть — это власть рабочего класса, армии и всей бедноты. Усилия пролетариата должны быть сейчас направлены в сторону организации всей хозяйственной жизни и контроля над производством и распределением. Пролетариат должен сохранять производство от того крушения, которое ему готовит капитал. Мы должны быть каждую минуту готовы отдать все вплоть до последней капли крови на защиту, поддержку и укрепление истинно демократического строя и в первую очередь его крепости — производства. Их победа — это полный разгром наших сил. Их победа — это наше рабство, это полный разгром наших организаций, потеря всех наших завоеваний. Их победа — это казарма, каторга для солдат, это помещичья палка для крестьянина. Это произвол капиталистов для рабочего и голод для всех...

В этот решительный момент мы от имени миллиона рабочих призываем всех рабочих Москвы и окрестностей сплотиться стальной стеной вокруг Революционного комитета советов рабочих и солдатских депутатов» [1].

С опубликованием этих обращений к рабочим и солдатам московские центральные большевистские органы, Военно-революционный комитет и бюро профсоюзов разослали по районам и казармам своих представителей для организации масс к предстоящей борьбе.

В районных советах весь день 26-го кипела работа, устанавливалась связь с ВРК, выбирались районные военно-революционные комитеты, назначались районные комиссары, разыскивалось оружие и по мере возможности вооружались воинские части и отряды Красной гвардии. Днем происходило грандиозное собрание. Вечером состоялось совещание

---

[1] Цитируем из книги Игнатова «Московский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.».

районных комиссаров. В «Дрездене» было собрание представителей партийных военных организаций.

В это время Красная гвардия начинает концентрировать свои силы, готовясь к решительному бою. Еще вечером, когда в зале Политехнического музея происходили горячие прения по вопросу об организации Военно-революционного комитета, в гостинице «Дрезден» созывается штабом Красной гвардии собрание представителей военных и красногвардейских частей.

Заседание затянулось до 12 часов ночи. После этого совещания представители Красной гвардии разошлись по местам и совместно с представителями войсковых частей на заводах и казармах стали подготовлять выступления, употребляя все силы, чтобы хотя частично привлечь к вооруженному выступлению войсковые части. Так представитель роты 193-го полка поехал в свою роту. В 56-й полк, расположенный в Кремле, отправился т. Берзин, назначенный комендантом арсенала Кремля. Комиссаром Кремля был назначен т. Ярославский. Другие товарищи разъехались по районам для руководства восстанием на местах.

26 октября красногвардейские части в районах и на предприятиях лихорадочно готовятся к выступлению. В своей книге «Красная гвардия в Москве в борьбе за Октябрь» начальник московской Красной гвардии т. Пече пишет:

«К вечеру 26 октября вооружаются красногвардейцы на заводе Михельсона. Они взламывают стену заводского здания и к удивлению и ужасу администрации и служащих завода и вынимают из стены 135 новеньких трехлинейных винтовок и 23 ящика патронов к ним, а затем достают гранаты собственного производства. На следующий день из общего числа 160 заводских винтовок 100 винтовок передаются «двинцам» [1], которые находятся в резерве на заводе Михель-

---

[1] «Двинцами» прозвали солдат, которые были арестованы на Двинском фронте Керенским за революционную пропаганду. Затем они долгое время сидели в Двинской и в Бутырской тюрьмах, откуда их благодаря вмешательству большевиков освободили незадолго до октябрьских дней. «Двинцы» приняли большое участие в московском восстании.

сона. Часть Красной гвардии Замрайона стягивается штабом района на Калужскую площадь, откуда вечером посылаются четыре патруля по 10 красногвардейцев к мостам: 1) к Крымскому — десяток Варшавского арматурного завода, расположенного у Крымского моста, 2) к Большому Каменному, 3) к Москворецкому и 4) Устинскому — десяток фабрики «Проводник». Кроме того один патруль посылается на Серпуховскую площадь к студенческой столовке на Малой Серпуховке, где помещается ревком, и к Коммерческому институту в Стремянном переулке.

Получаются сведения об ультиматуме Рябцева. Район переходит на военное положение. Начинаются боевые действия.

25 октября — так же как и в остальных районах — в Хамовниках организовался военно-революционный комитет в составе тт. Лысова, Юревича Ангарского, Соловьева и Саврасова. Чрезвычайным комиссаром Хамовнического района военно-революционный комитет назначает т. Ярославского.

В Хамовническом районе с утра 26 октября выставляются посты красногвардейцев, по 10 человек на Крымской площади, на Зубовской, на Смоленском бульваре, близ Сенной площади, на Стрелке и на Плющихе близ Девичьего поля для задержания «всех, кто будет появляться близ ревкома» (находящегося в д. 13 по Большой Царицынской улице) без разрешения.

Задерживали вообще по всему району и задержанные доставлялись в ревком. Так как вооружения в районе собственно не было, то вооружаться мы начали путем разоружения офицеров.

«Война не была объявлена, но военные действия развертывались, — пишет в своих воспоминаниях т. Ангарский. — Патрули арестовывали и вели в совет всех военных, по внешнему облику похожих на офицеров, военных врачей, отставных генералов и пр.

Дорогомиловский совет также 25 октября выбирает свой ревком в составе тт. Фаслер, Близ, Шломан, Меднис и Панова. Меньшевик Кобинков от имени соглашательского исполкома пытается закрыть совет, но его «выставляют» и отбирают у него наган.

Хамовники, имеющие небольшие силы, не могут помочь Дорогомиловскому району и потому приказывают дорогомиловским красногвардейцам и ревкому влиться в Хамовники.

Утром 26 октября тт. Федосов (начальник гвардии в Дорогомилове, беспартийный рабочий), Панов и Панченко, не «мирясь с постановлением Хамовников, организуют самостоятельный ревком. Создается комиссия для конфискации оружия на Брянском вокзале у проезжих офицеров. Отобрали 12 револьверов и 1 винтовку».

Ультиматум Рябцева в Хамовниках и Дорогомилове также послужил сигналом к боевым действиям.

Замоскворецкий ревком в студенческой столовке на Малой Серпуховской 26-го делал последние приготовления к бою. Красная гвардия была уже приведена в боевую готовность. Воинские части также приготовились, но еще находились в казармах.

Распределялись последние берданки между красногвардейцами, к каждой давалось по пять патронов. Райком нашей партии, находившийся в столовке, беспрерывно заседал» [1].

Вот как московский пролетариат откликнулся на призыв большевистской партии выступить на борьбу за власть советов.

Контрреволюция создает свой центр

В то время когда меньшевики и эсеры в зале Политехнического музея принимали резолюцию против создания Военно-революционного комитета, а затем всячески препятствовали московским рабочим и солдатам притти на помощь питерскому пролетариату, в это же самое время меньшевики и эсеры в зале городской думы активно способствовали организации контрреволюционного центра в лице «московско-

---

[1] Пече, Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь, стр. 80—83. Москва, 1929.

го комитета общественной безопасности». Утром 25 октября по инициативе городского головы Руднева созывается в помещении городской управы совещание по вопросу о создании «комитета общественной безопасности». В этом совещании приняли участие эсеры, меньшевики, кадеты, главнокомандующий Московского военного округа Рябцев и др. На совещании было принято решение об организации вышеуказанного комитета.

Одновременно в городскую думу были введены юнкера с пулеметами. Конторы городской думы были превращены в белогвардейский штаб, откуда рассылались военные приказы и эсеровские прокламации против революции. В тот же день эсеровский кулацкий исполком Московского совета крестьянских депутатов решил встать на защиту Временного правительства.

«25-го вечером, когда в Политехническом музее состоялось пленарное заседание Московского совета рабочих и солдатских депутатов, на котором обсуждался вопрос о создании ВРК, была созвана и городская дума.

Думский зал набит битком. Все гласные в сборе. Ни шума, ни разговоров не слышно, упорная тишина. Загробным голосом открывает заседание Минор. Придавленным тоном излагает Руднев «печальную повесть о том, как...». «Кто просит слова?» — спрашивает Минор.

Общее молчание. На скамьях «правящей» партии полнейшая растерянность. Выручает, расстрелянный теперь, кадет Щепкин: «Я думаю, что думе в первую очередь желательно выслушать сидящих на левых скамьях, виновников грозных событий. Мне кажется, что от них мы узнаем больше, чем из своих речей».

Слово взял И. И. Скворцов.

«Вы — жалкие, мелкие людишки, — обличал т. Скворцов эсеровскую братию. — Народ, рабочие и крестьяне, ненавидят вас за ваше небывалое предательство интересов революции. Начало революции вы стараетесь представить как выступление кучки заговорщиков. Из большинства вы стали ничтожным меньшинством. Суд истории настает для вас раньше, чем это вы могли думать».

После речи т. Скворцова начались выступления представителей фракции думского большинства. Это были бледные, неинтересные речи, лишь подтверждавшие наличие полного политического банкротства вчерашних господ положения.

В думском зале лились речи, а в районах Москвы кипела в это время лихорадочная работа: московский пролетариат готовился к бою. Гласные-большевики один за другим стали покидать думский зал и отправились по своим районам «дежурить». Пустующие скамьи большевистской фракции сильно встревожили думское большинство. Послышались голоса: «Большевики пошли дело делать, а мы здесь теряем время на разговоры. Надо и нам приступить к делу».

Это эсеровско-кадетское «дело» вылилось в форму избрания «комитета общественной безопасности», который и руководил затем белогвардейскими войсками.

В «комитет общественной безопасности» вошли представители от городской управы, от уездной земской управы, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, штаба военного округа, совета солдатских депутатов и губернского совета крестьянских депутатов»[1].

Этот контрреволюционный центр приступил немедленно к работе. Прежде всего он обратился за помощью к контрреволюционным генералам на фронте, умоляя их о скорейшей присылке воинских частей для усмирения большевистского восстания. 27 октября «комитет общественной безопасности» обратился к московскому населению со следующим воззванием:

«Военно-революционный комитет, образованный большевистской частью советов рабочих и солдатских депутатов, приступил к захвату власти. Ответственность за последствия этого действия ляжет на него. Настоящим объявляется, что все законные распоряжения исходят лишь от «комитета общественной безопасности». Все распоряжения, исходящие от Военно-революционного комитета, не подлежат исполнению. «Комитет общественной безопасности» призывает все

---

[1] «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», Москва 1927 г., стр. 273.

сплотившиеся вокруг него силы к стойкой и твердой защите правого дела. Комитет объявляет о своей непоколебимой решимости оставаться на том пути, на который его призвали события. «Комитет общественной безопасности» объявляет, что все попытки со стороны преступных лиц использовать момент, чтобы начать погромы и грабежи, будут подавляться решительно, вплоть до вооруженной силы» [1].

Одновременно «комитет общественной безопасности» обратился с приказом по гарнизону, в котором Москва объявляется на военном положении. В этом приказе КОБ заявляет:

«Граждане, товарищи, с сегодняшнего дня командующий войсками Московского военного округа согласно постановлению «комитета общественной безопасности» объявил Москву на военном положении. Все попытки соглашения с большевистским Военно-революционным комитетом, которые делал «комитет общественной безопасности», ни к чему не привели. Несмотря на все уверения, он не вывел из Кремля отказывающуюся повиноваться воинскую часть, и было допущено самое широкое расхищение оружия, пулеметов и снарядов из разных мест и снабжение ими большевистских организаций. В городе идет усиленная погромная агитация. Захватываются комиссариаты, типографии, гаражи, расхищаются склады с оружием. Все это ведет к усилению анархии и произвола в Москве, и «комитет общественной безопасности», сознавая всю тяжесть лежащей на нем ответственности, санкционировал в Москве и Московском округе военное положение» [2].

Выступая через своих представителей в городской думе за создание контрреволюционного центра, меньшевики в лице своих членов, оставшихся в ВРК, всеми средствами старались сорвать работу ВРК изнутри. Убедившись однако, что они изолированы от рабочей массы и что срыв работы ВРК изнутри им не удастся, меньшевики 27 октября выставили следующие требования:

«1. Все решения комитета принимаются только на его заседании после совместного обсуждения.

---

[1] Октябрьское восстание в Москве». стр 57—58.

[2] Игнатов, Совет рабочих депутатов в 1917 г. стр. 369, Москва.

2. Официальными решениями комитета считаются только те, которые приняты единогласно и под которыми имеются подписи и меньшевиков.

3. Немедленно должны быть прекращены все действия, направленные к захвату Кремля и арсенала.

4. Революционный комитет с целью восстановления единства революционного фронта немедленно предлагает исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов принять меры к организации общедемократического комитета с участием представителей всех революционно-демократических организаций».

ВРК даже не рассмотрел требования меньшевиков, и меньшевики в тот же день вышли из его состава, а затем в рядах «комитета общественной безопасности» открыто боролись против восставших рабочих, содействуя концентрации контрреволюционных сил.

Враги пролетарской революции перешли в наступление. Рябцев начал группировать в центре города юнкерские части, белогвардейских студентов, гимназистов и черносотенных офицеров. Юнкера захватили в свои руки всю центральную часть города (кроме части Тверской). Белогвардейцы захватили также и вокзалы, трамвай, электростанцию, телефон (кроме Замоскворецкого), отрезав Военно-революционный комитет от районов, а районы в свою очередь не имели надлежащей связи между собой. Главные силы «комитет общественной безопасности» концентрировал вокруг Кремля. Юнкера заняли манеж и окружили Кремль.

Рябцев предъявляет Военно-революционному комитету требование вывода как 193-го, так и 56-го полков. Военно-революционный комитет со своей стороны требует увода юнкеров. Создается такое положение: наружную охрану Кремля несут юнкера, внутри Кремль наполнен большевистскими войсками, а в Николаевском дворце находится контрреволюционный штаб. Прибывшие за оружием из районов грузовики нагружаются винтовками (начальник арсенала выдал 1 500 винтовок и несколько ящиков с патронами), но выехать из Кремля им не удается: юнкера их не выпускают.

Первые бои

После занятия центральной части города и окружений Кремля белогвардейцы начали обстреливать Московский совет и Скобелевскую площадь (нынешняя Советская площадь). Одновременно Рябцев предъявил ВРК ультиматум:

«1. Немедленная ликвидация всех действий Военно-релюционного комитета и его упразднение 2. Немедленный отзыв из Кремля караульного батальона 56-го полка. 3. Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия».

Получив этот ультиматум, ВРК разослал по районам приказ:

«Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. На митингах по заводам и фабрикам выяснить массам это положение, массы должны призываться к тому, чтобы показать штабу свою действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинным выступлениям под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти советов в районах».

Приказ ВРК вызвал в районах бурю негодования по адресу белогвардейцев, рабочие и солдаты немедленно перешли в контрнаступление.

«На призыв совета откликнулась вся рабочая Москва, весь московский гарнизон. 28-го утром забастовали все фабрики и заводы. Рабочие массами потянулись в центр и в свои районы. В районах были избраны военно-революционные комитеты, здания советов превратились в штабы. Рылись окопы, устраивались проволочные заграждения. По улицам ходили патрули из рабочих и красногвардейцев. Патрули не только охраняли свои районы от нападения юнкеров и белой гвардии, но и несли охрану населения от бандитов и другого жулья, которые, воспользовавшись революционной смутой, пытались грабить магазины и частные дома. Патрули разоружали всех проходивших по улицам офицеров, все ненадежные элементы, попадавшие им в руки, и отобранное оружие передавали в штаб. Революционные солдаты разыскивали также спрятанное ими прежде оружие и воо-

ружались. Вооруженные отряды солдат, пополненные красногвардейцами, отправлялись на помощь центру.

Рабочие теснились у ревкома. Шла энергичная запись в отряды Красной гвардии, задержка была только в оружии. Его можно было получить в центре, но оба района были отрезаны от центра. Хамовники все же как-то случайно смогли привезти из центра два ящика винтовок. Дорогомиловский ревком, вновь организовавшийся вместе с рабочими-железнодорожниками Брянского вокзала утром 28 октября в составе тт. Фонченко, Федосева и Ванториной, организует Красную гвардию из рабочих района, железнодорожников и солдат команды выздоравливающих. Дорогомилово достает несколько винтовок, вооружает ими красногвардейцев, которые под командой женщины, т. Ванториной, занимают Дорогомиловский мост, где захватывают легковой автомобиль у офицеров, едущих на Брянский вокзал. Юнкера, не нанося красногвардейцам потерь, обстреливают издали мост пулеметным огнем».

Бой между юнкерами и Красной гвардией начался. Первые схватки произошли по набережью Москвы-реки. Белые укрепились за каменной оградой храма христа спасителя и на других более или менее укрепленных позициях и оттуда отстреливались пулеметным огнем, но им не везде удалось устоять против революционного натиска рабочих и солдат, которые заняли интендантские склады на Остоженке и взяли в плен 10 белогвардейцев, а юнкера были вынуждены отступить на Пречистенку.

«День 28 октября, — рассказывает В. Карпов, — проходит в непрекращающемся огневом бою. У Большого Каменного моста Замоскворечья приспособило трамвай досками и прослойками песка под «блиндированный вагон» и пыталось наступать через мост, но провода трамвайной линии были перебиты юнкерами, и трамвай, лишенный электрической энергии, остановился. Красные заняли вышку трамвайной станции, огнем с которой тушили огонь юнкерских пулеметов от храма христа спасителя.

В огневом бою перевес был на стороне юнкеров, прекрасно вооруженных и обладающих большим количеством

пулемтов. Положение в районах из-за недостатка патронов и винтовок создавалось тяжелое.

Вечером 28 октября с наступлением темноты юнкера переходят в наступление на Остоженке, Пречистенке и у Смоленского рынка, по Сенной площади и Плющихе. Одновременно взводом легкой артиллерии с Арбатской площади юнкера открывают артогонь по ревкому, Царицынской улице и по Уваровскому трамвайному парку. На Остоженке наступление юнкеров отбивается, на Пречистенке им удается оттеснить восставших к Мансуровскому переулку, у Смоленского рынка при поддержке броневика юнкера ведут энергичное наступление по Сенной площади, Плющихе и 3-му Ростовскому переулку. С трудом наступление юнкеров и броневика у Смоленского рынка останавливается бросанием гранат. Быстро организуются команды гранатчиков, в которые вошли наиболее испытанные большевики и рабочие, преимущественно бывшие солдаты: тт. Лысов, Пупукин, Савин, Черных, Познанян, Петров, Николаев. Когда броневик вновь пытался атаковать, то гранатчики забрасывали его гранатами, и броневик отходил.

Ночью рабочий трамвайного парка Дрожжин[1] мобилизует 200 рабочих трамвайного парка и по плану штаба ревкома роет окопы на Плющихе и Смоленском бульваре у Ружейного переулка и перекапывает против броневика 3-й Ростовский переулок и набережную у Дорогомиловского моста. Затем роются окопы на Пречистенке. Замоскворецкий район ночью привозит на грузовике громадные тюки ваты, сваливает их у загиба Остоженки, у чайной на углу 1-го Ушаковского переулка. Перекатывая вперед непробиваемые пулей тюки с ватой, красногвардейцы под их прикрытием разбивают ломами мостовую и роют окопы.

Одновременно в Замоскворечье у Каменного моста роется окоп и у Москворецкого строится баррикада.

29 октября бой усиливается. Оба противника закрепляются в окопах, домах и местами на баррикадах (баррикады юнкеров—на Остоженке, красногвардейцев—у Москворецкого моста).

---

[1] Теперь председатель МГСПС.

Противниками занимаются главные улицы — Остоженка, Пречистенка, Смоленский бульвар и Плющиха, где развиваются крупные бои. Смежные переулки прикрываются постами, изредка караулами; иногда ничем не прикрываются. Не сразу начинают перерывать эти переулки от броневиков. Так Левшинский переулок начинает перерываться только на 3-й или 4-й день боев, после того как броневик юнкеров показался в этом переулке.

Мелкие партии красногвардейцев, обычно силою до 5 человек, пробираются домами и дворами в тыл противнику, забрасывают его гранатами и открывают неожиданно фланговый ружейный огонь. При этом красные высылают своих разведчиков между Москвой-рекой и Остоженкой, у района Зачатьевского монастыря, охватывая левый фланг юнкеров. Юнкера в свою очередь переулками с Арбата более сильными разведывательными партиями и отрядами нападают на левый фланг наших пречистенских позиций. Появление таких разведывательных партий обычно сопровождается новыми вспышками огня. Из окопа высунуться нельзя. На Остоженке между окопами красных и баррикадой и окопами юнкеров — 250—300 шагов. Малейшая попытка высунуться из окопа — и смельчак выбывает из строя. Окоп неумело вырыт через всю улицу. Идет сильный дождь, и вода, стекая по обочинам мостовой, заполняет окоп. Стрелки сидят в окопе по колено в воде»[1].

Так московские рабочие и солдаты боролись против юнкеров и белогвардейцев. Вожди контрреволюции вскоре увидели, что с теми силами, которыми они располагали в Москве, они долго не удержатся, и с нетерпением ожидали прибытия подкрепления, обещанного им контрреволюционными генералами. Это подкрепление по их предположениям должно было прибыть 30 октября, и для того чтобы оттянуть время, руководители «комитета общественной безопасности» при посредстве Викжеля и меньшевиков начинают вести переговоры о заключении перемирия на 24 часа.

[1] В. Карпов, Год борьбы, стр. 136—139, Москва 1927 г.,

Переговоры о перемирии

ВРК, как выявилось из исхода боев, располагал достаточными вооруженными силами для того, чтобы немедленно начать решительную борьбу против московской контрреволюции.

Тов. Ольминский в своих воспоминаниях в сборнике «Москва в Октябре 1917 г.» указывает, что уже в самом начале Военно-революционный комитет располагал всей тяжелой артиллерией, расположенной в Москве. Но кроме артиллерии на стороне ВРК был весь московский пролетариат, ставший как один человек на защиту ВРК против Рябцева и юнкеров. Тов. Розенгольц в своих воспоминаниях констатирует, что в дни наиболее решительных схваток почти все солдатские массы Москвы были на стороне ВРК[1].

Имея такое выгодное для себя соотношение сил, Военно-революционный комитет мог и должен был в самом начале нанести контрреволюции сокрушительный удар. Но вместо этого некоторые члены Военно-революционного комитета стали колебаться и начали при посредничестве Викжеля и меньшевиков переговоры с представителями «комитета общественной безопасности». На контрреволюционный ультиматум полковника Рябцева т. Смидович от имени ВРК предложил «комитету общественной безопасности» следующие условия для переговоров об организации демократического комитета:

«Революционно-демократический комитет состоит из представителей совета рабочих и солдатских депутатов в числе 7 лиц пропорционально фракциям, из представителей совета крестьянских депутатов, городской думы, земского самоуправления, железнодорожного союза, штаба (совещательный голос) и других общественных и профессиональных демократических организаций. По соглашению участников военного совещания, созываемого для создания указанного органа и состоящего из представителей советов (всех трех) городской думы и партии (три фракции РСДРП

[1] М. Владимирский, Октябрьские дни в Москве, стр. 27.

и с.-р.), первым делом совещания является принятие спешных мер, гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями. Все решения совещания, принятые единогласно, обязательны для всех организаций, участвующих в совещаниях. Созданный орган является единственным и высшим органом г. Москвы, распоряжениям которого все организации и учреждения г. Москвы — как частные, так и общественные и государственные — безусловно подчиняются. Состав утверждаемого органа утверждается пленумом советов. Само собою разумеется, что утверждаться состав может и другими организациями»[1].

Этот ответ был передан в «комитет общественной безопасности» через меньшевиков. Однако Рябцев и его последователи отказались от ведения переговоров с ВРК, если последний не выполнит все требования предъявленного ультиматума.

28-го перед рассветом юнкерам удалось захватить Кремль. Это обстоятельство еще более окрылило обнаглевшую контрреволюцию. Немедленно после взятия Кремля Рябцев обратился к своим частям со следующим приказом:

«Кремль занят. Главное сопротивление сломлено, но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв, и чтобы — с другой, не стеснять выполнение боевых задач по праву, принадлежащему мне на основании военного положения, запрещаю всякие сборища и всякий выход на улицы без пропуска домовых комитетов. Все граждане приглашаются уведомить меня по телефону городской думы о всех домах, где в окнах или на крышах засели вооруженные люди. Предупреждаю, что в ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома. Обращаюсь к чувству сознательности граждан с призывом помочь избежать всех лишних жертв. Командующий войсками Московского округа полковник Рябцев».

Под влиянием этих событий ВРК решил вступить в переговоры с «комитетом общественной безопасности». 29-го

---

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 200.

вечером тт. Ногин и Ломов явились в «комитет общественной безопасности» для ведения переговоров. Рябцев им предложил следующие условия:

«1) Полная безоговорочная сдача всего Военно-революционного комитета; 2) суд над членами комитета, участниками мятежа; 3) подтверждение большевиками, что борьба велась с большевиками, а не с советами; 4) сдача всего оружия, находящегося в совете рабочих депутатов; 5) возврат всего разграбленного оружия; 6) вопрос о расформировании большевистских полков передается в ведение военного штаба; 7) вся власть передается в Москве городской думе; 8) осуществления перемирия ввиду объявленного в Москве военного положения будет проводить в Москве не «комитет общественной безопасности», а военная власть» [1].

Об этих переговорах т. Ломов в своих воспоминаниях пишет:

«Я и Ногин в качестве представителей от Революционного комитета по просьбе левых эсеров и Кузовкова едем в думу к рудневцам для переговоров с белоэсерами. Вокруг полно офицеров, наглые рожи кадетов.

Руднев, бледный, ведет нас на собрание душителей рабочего класса. Вокруг прокурора (Сталь) вылощенное офицерство, чиновники и господа железнодорожники-«викжелевцы», никак не могущие понять, куда им надо сесть. Разговор наш быстро оканчивается, эти господа, оказывается, считают уже нас побежденными и требуют ареста Военно-революционного комитета. Резко обрываем переговоры и уезжаем к себе. Юнкера и офицера пытаются по дороге нас прикончить, несмотря на честное слово Руднева. Однако с грехом пополам садимся в автомобиль и мчимся в совет. Через час звонок по телефону от Руднева, он требует сдачи, грозит обстрелом совета. Резко обрываем разговор и спешно организуем, с одной стороны, оборону центрального совета, а с другой — призываем рабочие окраины к натиску на белогвардейцев и Кремль» [2].

---

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 200.
[2] «Москва в Октябре 1917 г.», стр. 42.

В эти дни, в течение которых колеблющиеся элементы ВРК вели переговоры с «комитетом общественной безопасности», для того чтобы избегнуть кровавого столкновения, в эти дни руководители «комитета общественной безопасности» обратились к контрреволюционным генералам на фронте за помощью для подавления большевистского восстания в Москве. На свое обращение «комитет общественной безопасности» получил следующую телеграмму от генерала Духонина:

«Для подавления большевистского мятежа посылаю в ваше распоряжение гвардейскую бригаду с артиллерией с юго-западного фронта. Начинает прибывать в Москву 30 октября с западного фронта артиллерия с прикрытием. Необходимы решительные и совокупные действия для подавления выступления, повергнувшего страну в пропасть».

Такую же успокоительную телеграмму на другой день после начала военных действий Руднев получил от главнокомандующего юго-западным фронтом генерала Балуева.

Балуев телеграфировал:

«На помощь против большевиков в Москве двигается кавалерия. Испрашиваю разрешения ставки выслать артиллерию. В районе фронта создавалось положение тоже тяжелое, но армия, стоя на страже революции и родины, поборола большевистское выступление и шлет привет сердцу России, будучи уверена, что в настоящий грозный момент Москва как собирательница России соединит всех верных сынов ее и спасет родину. От имени фронта шлю сердечную благодарность и пожелание полного успеха в борьбе с врагами революции».

Полученные телеграммы с фронта с обещанием помощи значительно подняли дух московских контрреволюционеров, почувствовавших себя хозяевами положения, и они начали жестоко расправляться с солдатами и рабочими, попавшими к ним в руки.

Так в Кремле они расстреляли разоруженных солдат 56-го полка, оставшихся в плену у белых после захвата Кремля.

Вот что т. Носков, случайно уцелевший от этой массо-

вой расправы, рассказывает об этом в своих воспоминаниях:

«Томительные долгие три минуты рокового молчания были прерваны командой офицера: «Смирно! Руки по швам!»

Мы застыли в ожидательной позе. Скоро откуда-то один за другим раздалось несколько ружейных выстрелов, к которым присоединилась ураганная трескотня пулеметов. В наших рядах началась паника, слышались истерические крики и стоны раненых, люди падали как подкошенные, а оставшиеся в живых спешили укрыться от этого дикого расстрела в стенах арсенала, но так как ворота арсенала были закрыты и для входа была оставлена лишь маленькая дверь, в которую с трудом могут пройти два человека, здесь произошло что-то ужасное, и скоро у входной двери образовалась гора барахтающихся людей, которые давя друг друга ползли кто куда мог. В довершение этой жуткой картины откуда-то один за другим прогремели три отдаленных выстрела, попавших в нашу людскую массу. Снаряды рвались, разрывая на куски наших солдат, обезображенные трупы летели в сторону. Когда же стрельба значительно стихла, наш начальник склада, генерал Кайгородов, ходил по Сенатской площади и собирал оторванные снарядами руки, головы и бесформенные тела павших солдат, которых тотчас же в автомобилях скорой помощи куда-то увозили»[1].

Это произошло в Кремле 28 октября, когда генералы с фронта отправили воинские части для подавления московского восстания. В надежде на эту помощь с фронта вожди московского «комитета общественной безопасности» при посредничестве Викжеля и меньшевиков вели переговоры с Военно-революционным комитетом о заключении перемирия до 30 октября, когда по их расчетам обещанная помощь должна была прибыть в Москву.

29 октября ВРК и «комитет общественной безопасности»

---

[1] «Москва в Октябре 1917 г.», стр. 100, изд. Московского совета, 1919 г.,

заключили перемирие на 24 часа. Обе стороны обратились к своим частям о приостановлении военных действий. ВРК в своем приказе заявил:

«Всероссийский железнодорожный союз предложил Военно-революционному комитету посредничество в переговорах с противной стороной. Согласившись на ведение переговоров, Военно-революционный комитет объявляет перемирие до 12 часов ночи 30 октября с. г. В течение этого времени будут вестись переговоры.

Военно-революционный комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу.

За председателя *А. Ведерников.*
Г. Усиевич.
Секретарь *П. Кушнер*
А. Розенгольц

В районах этот приказ вызвал сильное недовольство, особенно в тех районах, где красногвардейцам ценой больших жертв удалось достигнуть крупных успехов. В переговорах и в подписанном соглашении они справедливо усматривали маневр противника, стремившегося уйти из-под ударов революции. И борьба в некоторых районах продолжалась, несмотря на заключение перемирия.

Через некоторое время выяснилось, что юнкера использовали перемирие для перегруппировки своих сил. Ночью юнкера сделали попытку захватить Брянский вокзал, куда ожидалось прибытие эшелона с белыми войсками. На этом и кончилось перемирие. В шесть часов утра ВРК выпустил следующее воззвание:

«Товарищи!

Мы верно исполняли все условия перемирия, а наши враги их нарушили. На Брянский вокзал явилось 155 солдат ударников с офицерами, забрали винтовки, которые на вокзале были очевидно для них приготовлены, арестовали коменданта, оставили охрану и отправились в Кремль. Надо готовить отпор, надо готовиться к решительной борьбе с

врагом. Все должны немедленно привести себя в боевую готовность и спешить в совет, на помощь Революционному комитету.

Скорей, время не терпит.

Дорога каждая минута. Скорей на помощь! (Печать). Председатель Военно-революционного комитета (подпись)» [1].

Через несколько часов Военно-революционный комитет сообщил всем солдатам и красногвардейцам об окончании перемирия и продолжении борьбы. Замоскворецкий район опубликовал следующее обращение:

«Товарищи! Перемирие закончено. Начались военные действия. Отныне никаких уступок, никаких колебаний. Враг должен быть сломлен, должен быть побежден. Буржуазия все усилия употребит на то, чтобы не уступить свою власть классам, которые ей ненавистны.

Немедленно должны быть начаты наступательные действия. Вперед за свободу, за землю, за народную власть!»

Военно-революционный комитет обратился к московским рабочим с воззванием об объявлении всеобщей забастовки. С этого момента, как т. Ломов указывает в своих воспоминаниях, положение значительно улучшилось:

«Все рабочие как один встали за советы, солдаты повсюду примкнули к нам. Гремит наша артиллерия. Геройские районы, впереди них Замоскворечье, быстро наступают на центр. Отовсюду из области пробиваются на помощь Москве отряды красногвардейцев, из Тулы в автомобилях привозят пулеметы, артиллерии мало. Устанавливаем тяжелые прекрасные фрацузские орудия на Воробьевых горах и наводим их на белогвардейский Кремль. Отовсюду тысячи известий о восстании рабочих! Вся область по конспиративному приказу бюро партии в один день восстала и сдала нам боевые рабочие дружины. Рабочие железных дорог все были с нами. Фронтовики уланы, казаки отказывались действовать против нас. Несколько раз снова наступали у нас колебания, но в дальнейшем мы их решительно отмели» [1].

---

[1] Я. Пече, Красная гвардия в Москве, стр. 134.

Москва в огне пролетарской революции

Замоскворецкий район сыграл большую роль в дни октябрьских боев. ВРК Замоскворечья требовал от Центрального военно-революционного комитета более решительных действий и отказа от всяких колебаний. 1 ноября Замоскворецкий ВРК обратился с письмом к Центральному военно-революционному комитету, в котором он писал:

«Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма губительно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предлагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит высказать свое мнение Военно-революционный комитет по этому поводу. Предварительно предлагает сдаться юнкерам, в случае отказа с их стороны—начнем свои действия с 10 часов утра».

На это московский ВРК ответил:

«Военно-революционный комитет совета рабочих и солдатских депутатов разделяет вашу мысль о необходимости быстрого решения вопроса, потому мы еще вчера послали спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москве-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Каменного моста.

Если есть артиллерия и в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю и сделать это надо не к 10 часам, а гораздо раньше».

И действительно в этот день начинают развертываться решительные бои. В ночь на 1 ноября обстреливаются «Метрополь» и городская дума. Об этих боях Давидовский пишет:

«Часам к 12 ночи я получил приказ об установлении артиллерии у Большого театра, имея целью обстрелять с рассветом «Метрополь» и городскую думу. На площади уже ждал прибывший с Ходынки взвод артиллерии. Была темная

---

1 «Москва в Октябре 1917 г.», стр. 43.

ночь. Моросил мелкий, насквозь пронизывающий дождь. Борьба в городе стихла. Лишь кое-где перекликались одиночные выстрелы. Пехотное прикрытие, которое нам было дано, что-то задерживалось. Наконец пришел т. Чикколини со своей пехотой, организовал охранение, и мы тронулись по Козьмодемьяновскому переулку. На спуске лошади начали скользить по мокрому гладкому камню, многие падали. Приходилось останавливать всю колонну, перепрягать лошадей. Кое-как мы спустились к Б. Дмитровке и пошли к Охотному ряду, потом свернули по Салтыковскому переулку и пошли по Петровке. Когда мы стали подходить к Большому театру, несмотря на все осторожности, принятые нами, юнкера нас обнаружили и начали обстреливать. Мы укрылись за Большой театр и отправились выбирать позиции.

Для более удобного обстрела мы решили расположиться по-орудийно. Одно — справа Большого театра, в тупике у дома № 5. Это орудие должно было вести огонь по городской думе, и второе — в 4-м Спасском переулке у второй пожарной лестницы театра Зимина. Это орудие должно было обстрелять «Метрополь». С рассветом мы открыли огонь из обоих орудий. Вскоре юнкера пришли в себя и начали нас обстреливать. Сначала они обрушились целым градом пуль, но мы еще больше усилили наш обстрел. Некоторые неудобства мы испытывали при подноске к орудиям снарядов. Подносчикам надо было проскочить на расстоянии 10 шагов под обстрелом противника. Эти скачки сделались своего рода спортом для подносчиков. Схватит парень лоток со снарядами и, пользуясь моментом, скачет к орудиям, а по нем юнкера стреляют залпом. Но уже поздно, парень проскочил...

Действие от трехдюймовых пушек по «Метрополю» было недостаточным. Юнкера отсиживались за толстыми стенами, переходя из этажа в этаж.

К утру 2 ноября было решено взять «Метрополь». С этой целью к Малому театру была подтянута пехота. На «Метрополь» было направлено два орудия (одно освободившееся от городской думы, которая в это время была занята нами), были подвезены снаряды, и началась оже-

сточенная канонада. «Метрополь» весь стоял окутанный дымом и пылью от разрывающихся снарядов. Снаряды, то и дело ударяясь о стену гостиницы, рвались с неимоверным треском. Со стен на тротуар летели кирпич, железо, стекло. Зато юнкера и наших не миловали. Наводчики часто менялись. Раны у всех были смертельные...» [1]

Белогвардейский поручик Ровный об этих боях в ночь на 1 ноября доносит в политический отдел Московского военного округа:

«...Орудийная стрельба по городской думе и Александровскому военному училищу продолжалась. На рассвете на Николаевском вокзале спешно и панически готовили баррикады к встрече прибывающего эшелона. Телефонная станция хотя сильно пострадала, но еще функционирует. В районе, занятом нашими войсками, спокойствие. О прибывающих подкреплениях имеются успокоительные сведения, детали которых, по вполне понятным причинам, оглашению не подлежат.

Утром получены сведения о том, что обстрел штаба и городской думы не прекращается, причем в некоторых местах пострадало здание думы.

Обращается внимание всех военных чинов на совершенную недопустимость громкого обсуждения различных распоряжений оперативного характера ввиду установленных фактов, что многое из сообщенного вслух делается достоянием противной стороны» [2].

В районе Никитских ворот юнкера укрепились в театре «Унион» и в ближайших к театру домах, оказав упорное сопротивление. 2 ноября штабс-капитан Доманский доносит:

«Доношу, что за сегодняшний день нашим отрядом, занимающим театр «Унион», захвачены дома на углу Малой Никитской и Малой Бронной, в общем в числе трех. На занятие этих домов израсходовано 30 человек убитыми и ранеными 2. Прошу распоряжения о высылке подкрепления в числе 30 человек ударников и юнкеров, считая занятую

---

1 «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», стр. 302.
2 Сборник «Октябрьское восстание в Москве», стр. 82.

нами позицию очень важной. Количество неприятеля по сообщению разведчиков значительно.

На углу Б. Никитской и Тверского бульвара захвачено нами в плен 3 вооруженных неприятеля.

Штабс-капитан *Доманский*»[1].

Белые не в состоянии были больше держаться. Помощь с фронта или из других городов не прибывала и не могла прибыть. 2 ноября революционные войска открыли артиллерийский огонь по их позициям и разрушили дома, в которых они укрепились на Тверском бульваре и у Никитских ворот, и окончательно сломили их сопротивление.

Такой же ожесточенный характер бои приняли и в других частях города. Вот как покойный В. Карпов описывает борьбу в районах.

«31 октября красногвардейцы Дорогомиловского района вновь занимают Дорогомиловский мост. Вечером того же дня рукою прапорщика Померанцева было написано донесение: «В Зубовском и Пречистенском районах положение устойчивое. База наша — Хамовнический совет. Пречистенка наполовину занята войсками 193-го полка, противник стреляет из пулемета, действия затруднительны. Остоженка: наиболее решительные действия 193-го и 55-го полков — поперек улицы наши и неприятельские окопы. Окопы юнкеров незначительно выдвинуты перед штабом, наши у заворота впереди 1-го Ушаковского переулка, у нас весь 1-й Зачатьевский переулок, угольная церковь и колокольня, огонь по ней противоположного дома, закрепиться на ней не удается. Бомбомет в окопах (предполагали на церковь), удачные попадания бомбомета по штабу».

Тогда же другое донесение:

«Собрание местных районных и главного комитетов железнодорожников, ссылаясь на нейтральность железнодорожников, просит ВРК вывести роты 193-го полка с Брянского вокзала (МКВ ж. д.). Вокзал занят 30 октября в 10 час. вечера ротой 193-го полка. Померанцев, председатель коми-

[1] Сборник «Октябрьское восстание в Москве», стр. 82.

тета 193-го полка, приказывает в ответ отряду оставаться на месте до особого распоряжения ВРК».

В Хамовниках на третий или четвертый день борьбы завод Второва выставил около 200 вооруженных рабочих. Наиболее ответственный и хорошо дисциплинированный боевой отряд дал завод «Каучук», этому отряду под командой т. Юревича поручались наиболее ответственные задания.

Попытка наступать на Остоженку тотчас тушится огнем сосредоточенного здесь противника.

Ночью 1 ноября солдатами выдвигается вперед, шагов на 100, новый окоп. С рассветом защитники окопа попадают под пулеметный и ружейный огонь из высокого, впереди расположенного дома. Из 12—15 защитников окопа моментально выбывают убитыми и ранеными 8 человек. Остальные поспешно отступают в старый окоп. 31 октября «в Дорогомилове ночь спокойна. Надо людей и оружия».

Особенно сильные бои происходят на Остоженке.

1 и 2 ноября бои по всему фронту продолжаются. Иногда ведется сильный огневой бой у Москворецкого моста и электрической станции 1886 г. От электрической станции правее, через Устинский мост, держится связь с наступающими Рогожско-симоновского района. Идет также сильный бой и у Каменного моста. Но Москва-река и мосты не позволяют здесь противникам сколько-нибудь активно действовать, и, несмотря на сильный иногда огонь, участок фронта Замоскворечья по Москва-реке пассивный.

Не то на Остоженке и Пречистенке, где противник пытается наступать, но открытое наступление сейчас же тушится мощным огнем. Тогда восставшие стремятся охватить левый фланг юнкеров из района Зачатьевского монастыря, а юнкера переулками с Арбата — левый фланг восставших. Один из таких неожиданных обходов сильной партией юнкеров по Левшинскому переулку—постовые восставших видимо покинули пост в этом переулке—мог привести к окружению и уничтожению пречистенской группы восставших. К счастью мальчики-разведчики своевременно предупредили восставших. Эти поспешно заняли дом на

Пречистенке, против Левшинского переулка, и пачечным огнем из окон отбили обход юнкеров.

Артиллерия, стоявшая у Красной Пресни, открыла огонь по зданию 5-й школы прапорщиков у Смоленского рынка и удачными попаданиями разрушила часть здания и нанесла потери противнику. Артиллерия в Хамовниках огнем по штабу округа, по Александровскому училищу и Кремлю содействовала общему успеху и упорству обороны участков.

Открытие огня 6-дюймовых орудий с Воробьевых гор по Кремлю сыграло решающую роль. 1 ноября днем заговорила тяжелая артиллерия.

2 ноября бои продолжались. Тяжелая артиллерия делала свое дело. Противник разлагался. Взятые в плен в Лефортове юнкера Алексеевского училища выслали своих делегатов к сражающимся на Пречистенке и Остоженке юнкерам— уговорить их сложить оружие. Замоскворецким ВРК было послано в «штаб пречистенских позиций» приказание: «Не стрелять по делегации Алексеевского военного училища, проходящей через наши позиции в Александровское училище по направлению от Каменного моста к Кремлю и обратно. Отличительный знак — белый флаг»[1].

Выбитые из своих укрепленных позиций юнкера отступили к Кремлю, где они концентрировали все свои силы.

Юнкера, офицеры и контрреволюционное студенчество засели в новом здании университета и в манеже и оттуда отстреливались. На Моховой, у Никольских ворот и около Троицких ворот юнкера укрепились за окопами. С Пречистенки белые выбиты к Волхонке и отступают к Кремлю. Белые окружены, исход восстания ясен. В рядах белых начинается разложение, относительно которого в архивах Военно-революционного комитета имеются лишь кое-какие скудные сведения. Сохранились донесения:

«1-я школа юнкеров арестована юнкерами, потому что не хотела итти против советов, в 6-й школе брожение. Вчера посылали все юнкера делегацию к городскому голове,

---

[1] «Год борьбы» (сборник материалов). Воспоминания В. Карпова, стр. 142—146.

что, если не дадут подкрепления, они все готовы к сдаче Революционному комитету»[1].

Все усилия направлены на Кремль. Юнкера вначале пытаются отстреливаться, но артиллерийский обстрел заставляет их смолкнуть.

Контрреволюция была раздавлена. 2 ноября Красная гвардия и революционные солдаты заняли Кремль и освободили арестованных солдат 56-го полка во главе с т. Берзиным (первый большевистский комендант Кремля). Тов. Пече, руководивший отрядом, занявшим Кремль, рассказывает об этом историческом эпизоде:

«По получении нами приказа о взятии Кремля я взял отряд из замоскворецких красногвардейцев, около 120 человек, 30 человек из 56-го полка и двинулся с этим отрядом рано утром 2 ноября на Красную площадь, к Спасским воротам.

Подступив к воротам, мы их взломали. В это время с церковных колоколен Кремля, Красной площади и с крыш Торговых рядов посыпался пулеметный огонь, но, к счастью, рассчитанный неверно и взятый выше цели. Я со своим отрядом вошел во двор под прикрытием кремлевской стены. И что же мы увидели? У самого входа в ворота была масса сломанных, брошенных винтовок, шашек, кортиков, были разбросаны ручные гранаты и бомбы, пироксилиновые шашки, так что даже трудно было ступить, чтобы не попасть на бомбу или пироксилиновую шашку. Нам преграждали путь также большие куски кирпичных стен, оторванные от домов артиллерией, и кучи военных припасов. Нужно было итти с большой осторожностью, чтобы не попасть в волчьи ямы, может быть сделанные юнкерами. В это время к обстреливавшим присоединились скрытые в Николаевском дворце юнкера, несмотря на то, что в переговорах с Военно-революционным комитетом они заявляли о своей сдаче. Лавируя под обстрелом под прикрытием зданий Кремля, мы направились к Николаевскому дворцу. Вдруг навстречу нам выбегают из часовни около 40 попов и монахов с иконами

[1] «Очерки по истории Октябрьской революции».

в руках с криком: «Ратуйте, братцы! Не убивайте!» Я заставил их вернуться вместе с их иконами и заявил им:

— Мы так предательски не поступаем: не расправляемся, как вы, с пленными. Передайте своим, — раз они дали слово, что сдаются, пусть они немедленно сдадут оружие.

На это им был дан пятиминутный срок. Через 5 минут из Николаевского дворца и из других зданий высыпали офицеры, юнкера, студенты и пошли к нам навстречу. Некоторые из них кончали самоубийством, другие падали в обморок тут же на площадях Кремля. Некоторые из них, во главе с полковником, выходили без оружия, но имели при себе спрятанные ручные гранаты.

В это же время красногвардейцами под командой т. Петрова были освобождены арестованные части 56-го полка во главе с нашим комендантом Кремля т. Берзиным. Освобожденные из тюрьмы, они вышли истерзанными и изголодавшимися. Около 5 дней их держали без продовольствия. Некоторые оказались больными после пережитого в плену у белых: при захвате юнкерами Кремля их выстроили в одну шеренгу и тут же часть расстреляли, а остальных заперли в тюрьме.

Освобожденные солдаты тотчас схватили брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника (фамилию его забыл), который расстреливал их товарищей в Кремле, и на юнкеров, державших в руках гранаты.

Заходя в помещения, красногвардейцы выгоняли оттуда на площадь оставшихся юнкеров и оцепляли их конвоем.

Тов. Петров со своим отрядом красноармейцев из Городского района, освободивший заключенных и вступивший в Кремль со стороны Троицких ворот, соединился с нашими частями, а с третьей стороны, со стороны Никольских ворот, въехал т. Сирота со своим отрядом красногвардейцев и военных частей.

Арестованные юнкера были отправлены в тюрьмы под строгой охраной, так как возмущенные их жестокостью ра-

бочие и красногвардейцы хотели расправиться с ними на месте»[1].

С занятием Кремля белые потеряли свою последнюю опорную позицию и вынуждены были сдаться. В ночь на 3 ноября борьба почти была завершена. Юнкера 5-й школы прапорщиков сложили оружие, а к рассвету сдались и юнкера, находившиеся в штабе военного округа, сдалась и 3-я школа прапорщиков, у которых обнаружили много оружия, и 40 раненых юнкеров.

Вооруженная борьба кончилась. В пятидневном героическом бою московские рабочие и солдаты одержали решительную победу над контрреволюцией.

Капитуляция белых

Благодаря энергичному наступлению революционных войсковых частей и Красной гвардии в рядах белогвардейцев начинаются разложение и паника. Белые убедились, что им не отбить геройского наступления революционных масс. «Комитет общественной безопасности» обращается к ВРК о прекращении борьбы. 2 ноября в 8 час. утра представитель Викжеля принес в ВРК следующее заявление:

«Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Москвы «комитет общественной безопасности» ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких конкретных условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия. Со своей стороны «комитет общественной безопасности» заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политической и

[1] Пече, Красная гвардия в Москве, стр. 156—157.

предоставляя будущему разрешению в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

Несмотря на то, что поражение белобандитов было очевидно для всех, колеблющиеся элементы ВРК снова идут на переговоры с «комитетом общественной безопасности» о заключении перемирия. Еще перед тем, как соглашение было достигнуто, ВРК разослал следующий приказ:

«Артиллерийскому отряду действующему. Ввиду того что сейчас происходят переговоры о сдаче «комитета общественной безопасности» Военно-революционному комитету, который устанавливает власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, штаб Военно-революционного комитета приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы.

Член Военно-революционного комитета, секретарь».

В результате переговоров был заключен следующий договор:

«1. «Комитет общественной безопасности» прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий, с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании этого соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются».

О переговорах с представителями «комитета общественной безопасности», о заключении перемирия Кузовков, бывший одним из посредников между ВРК и «комитетом общественной безопасности», рассказывает:

«Первоначально мы думали от имени «широких масс населения» потребовать от сторон, чтобы они остановили борьбу, угрожающую тем, кто в ней не участвует; мы предполагали заставить борющиеся стороны отдать свой спор на решение кого-то третьего, а теперь, когда борьба уже фактически закончилась, противники предлагали нам быть свидетелями их договора, свидетелями того, что более сильная сторона обещает не пользоваться дальше выгодами своего положения, чтобы доканать сломленного противника...

Большой зал губернской управы. Смидович и В. М. Смирнов, с одной стороны, Руднев, Якулов и др. — с другой, представители сторон тонут в массе представителей нашего блока; от каждой из нейтральных партий присутствуют по 2—3 представителя; партии, которые только числятся на бумаге, имеют по 3 представителя.

— Как же — исторический момент!

— Договор будет историческим документом, и каждому хочется, чтобы на нем стояло его имя, — наивно сознаются некоторые представители.

Руднев бледен и почти все время молчит. Как ни странно, но переговоры с этой стороны ведет не Руднев, а исключительно Якулов, который представляет собой вооруженные силы. Смидович и Смирнов бледны, видно, что давно не спали, но их голоса звучат твердо. Стороны коротко излагают условия. Якулов пытается торговаться, говорит о разрешении юнкерам выйти, сохраняя оружие, но видно, что он согласится на все; чувствуется, что он согласился бы и на худшее и только старается не показать этого в присутствии собрания и для сохранения приличия делает возражения, вызывающие ответы противника и затягивающие переговоры. Как раз к этому времени канонада в центре города достигает невиданного напряжения. Временами ве-

тер распахивает огромную форточку окна, и в зале отчетливо слышится непрерывный гул орудий и какая-то бешеная оружейная трескотня и непрерывающийся стук пулеметов.

В такие моменты Якулов особенно нервничает, скомкивает фразы, замалчивает возражения противника и как-то судорожно хочет скорей покончить дело; очевидно он боится, как бы дело не кончилось для его стороны прямой катастрофой»[1].

Нет никакого сомнения, что как переговоры с белыми, так и подписание договора с ними были возможны только благодаря колебаниям некоторых членов ВРК. Вместе с договором были выработаны инструкции подписания о приостановлении военных действий, после подписания которых Военно-революционный комитет разослал по районам приказ:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабоче-солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого распоряжения Военно-революционного комитета».

Приказ о приостановлении военных действий, как весть о заключении соглашения с «комитетом общественной безопасности», вызвал сильное недовольство во всех районах, которые принимают ряд резолюций протеста против этого соглашения. В № 200 газеты «Социал-демократ» и в бюллетене ВРК Городского района была напечатана следующая резолюция, принятая на собрании латышских стрелков:

---

[1] «Октябрьское восстание в Москве», стр. 98.

«Резолюция. Дружина Красной гвардии и исполнительного комитета латышских объединенных секций московской организации РСДРП (большевиков), обсудив заключенный договор Военно-революционного комитета с Рябцевым и его бандой, находит, что ВРК при заключении договора не считался с мнением революционных войск и Красной гвардии.

Освобождая юнкеров от ареста, ВРК вместе с тем дает им возможность снова восстать против революционного народа.

Мы, латышские рабочие и стрелки—члены Красной гвардии, категорически требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду с участием представителей революционных организаций и Красной гвардии, который определит степень виновности каждого и вынесет соответствующий приговор.

Что касается представителей корниловцев, Рябцева и его товарищей, которые первые подняли бунт против революционного народа, то они должны быть судимы тем судом, какого они требовали для рабочих, солдат и крестьян.

Все те хулиганы, которые еще теперь после заключения договора обстреливают из засады нас и наших товарищей и таким образом пытаются вызвать панику и дезорганизацию в городе, должны быть беспощадно уничтожены без всякого суда.

Резолюция принята единогласно на общем собрании — 193 человека.

Председатель *Е. Годоль.* Секретарь *Бауз*».

О колебаниях некоторых членов Московского ВРК во время Октябрьского восстания, благодаря которым затянулись бои с белыми, подробно говорит в своем докладе т. Яковлева на расширенном пленуме Московского областного бюро партии, состоявшемся 22 (9) ноября 1917 г. Тов. Яковлева между прочим сказала: «В большинстве районов публика с гневом и градом упреков подчинялась этому постановлению ВРК, ибо все были уверены, что несколь-

ко часов—и противник был бы так раздавлен, что сдался бы без всяких условий на милость победителя»[1].

Тов. О. Пятницкий в своих воспоминаниях дает этим колебаниям такую оценку:

«По настоянию интернационалистов и еще каких-то партий, не участвовавших в борьбе, и по предложению Руднева—Рябцева начались переговоры о перемирии. От ВРК были делегированы тт. В. Смирнов и П. Г. Смидович. Они пошли слишком далеко в уступках эсерам и юнкерам (если эсеры, кадеты и юнкера победили бы, они не пошли бы на переговоры, а разделались бы с рабочими и солдатами, ВРК и советом так, как Колчак разделывался с рабочими-коммунистами). Договор вызвал на совместном заседании ВРК и пятерки сильное недовольство и большие прения. Наконец он был утвержден, и мне пришлось объехать несколько районов (железнодорожный, Сокольнический, Лефортовский, Рогожский и Басманный), чтобы привести договор в исполнение. Во всех вышеуказанных районах меня прямо взяли на штыки. Только-только районы развернулись, они подошли вплотную к Кремлю, Александровскому военному училищу (где теперь РВСР), и для каждого было ясно, что от белогвардейцев ничего не осталось бы. И вдруг борьба прекращается. Все же районы подчинились, и борьба прекратилась в Москве 3 ноября 1917 г.»[2].

Все колебания ВРК в период восстания были несомненно результатом того, что некоторые руководители ВРК стали на точку зрения Каменева и Зиновьева. Эти колебания помогли белым с первых же дней восстания захватить центральные улицы города, отрезав ВРК от районов, вследствие чего колеблющиеся элементы растерялись еще более. Эти колебания в итоге обусловили затяжку борьбы.

Большевистская стойкость московской парторганизации и революционная сознательность масс смели со своего пути колебания отдельных руководителей, и московский пролетариат одержал полную победу над контрреволюцией.

---

[1] Протоколы расширенного пленума Московского областного бюро 9—10 ноября 1917 г., архив Истпарта МК ВКП (б).

[2] Сборник «От Февраля к Октябрю», стр. 69.

Московская партийная организация в борьбе против колебаний и оппортунизма

Как мы видим из всех приведенных исторических фактов, московская большевистская организация, твердо стоя на ленинской позиции, энергично подготовляла трудящихся Москвы к борьбе за диктатуру пролетариата. Но на всех этапах этого исторического периода в Москве были отдельные руководящие товарищи, защищавшие антибольшевистские установки в основных вопросах революции и проявившие наиболее резкие колебания в самый период восстания. Некоторые из них, как например Рыков, Ногин и другие, с самого начала примыкают к антибольшевистским позициям Каменева и Зиновьева и пытаются эту ошибочную линию свою проводить в партийной организации и ВРК. Во время восстания они делают попытку игнорировать директивы партийного центра, выделенного Московским областным окружным комитетом партии для руководства октябрьскими боями.

Московская большевистская организация дала решительный отпор колебаниям отдельных руководителей Военно-революционного комитета в период октябрьских боев и со всей резкостью выступила против тех товарищей, которые после первых побед Октября занимали антибольшевистские позиции в вопросе об образовании новых органов власти.

Некоторые из колебавшихся товарищей, как например тт. Ногин, Рыков, Милютин и др., открыто выступили против генеральной линии партии и решения ЦК. Эта группа шла за осужденными Лениным и всей партией штрейкбрехерами Октября—Каменевым и Зиновьевым,—выступавшими против подготовки к восстанию и против захвата власти. На этот раз штрейкбрехеры с пеной у рта возражали против решения ЦК о создании большевистского правительства, требуя создания правительства из всех советских партий. В заявлении, адресованном в ЦК за подписью Каменева, Зиновьева, Рыкова, Ногина и Милютина, штрейкбрехеры писали:

«Мы складываем с себя звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии.

Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата.

Оставаясь в рядах пролетарской партии, мы надеемся, что пролетариат преодолеет все препятствия и признает, что наш шаг вынужден сознанием долга и ответственности перед социалистическим пролетариатом.

Ю. Каменев, А. Рыков, В. Милютин, Г. Зиновьев, В. Ногин».

А в другом заявлении, сделанном Ногиным, Рыковым, Рязановым, Милютиным и другими в Центральный исполнительный комитет советов, они указывают:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьские—ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров».

Об этих действиях дезертиров Октябрьской революции Центральный комитет большевистской партии в своем разъяснении, опубликованном в «Правде», говорит:

«Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и Совета народных комиссаров: Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4 ноября из ЦК нашей партии и три последних—из Совета народных комиссаров. В такой большой партии, как наша, несмотря на пролетарский революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в деле борьбы с врагами народа.

Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, — и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды.

Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии, о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, также решительно осудят поступок дезертиров».

Московская партийная организация сразу же откликнулась на призыв ЦК и самым решительным образом осудила поведение тт. Рыкова, Ногина, Милютина и других членов партии, оставивших в самый тяжелый ответственный для пролетарской революции момент свои посты, на которые они были поставлены партией. Пленарное заседание Московского областного бюро в своем постановлении от 10 ноября требовало исключения упомянутых товарищей из рядов партии.

Аналогичное решение против тт. Рыкова, Ногина и дру-
колебавшихся товарищей приняла и III Московская го-
ская конференция большевиков и также московский
ужной комитет. Когда тт. Рыков и Ногин пытались вы-
ить на этой конференции для защиты своей точки зре-
то им не дали говорить, встретив их шумом и возгла-
: долой дезертиров!

Таким образом мы видим, что, несмотря на колебания
льных руководящих работников как во время октябрь-
боев, так и после побед революции, московские боль-
ики стояли на правильной ленинской позиции и реши-
но боролись с оппортунистами и колебавшимися эле-
ами как в период подготовки, так и в момент победы
ября.

еда пролетарской революции

Контрреволюция была разгромлена. Подписанием дого-
белые открыто признали свое поражение, и этим при-
и также, что Военно-революционный комитет является
ственным органом власти в Москве. Правда в приказе
ева, разосланном после подписания договора по гар-
ну, он ни слова не обмолвился о поражении контрре-
оции и о существовании ВРК. В этом последнем прика-
уководитель контрреволюционного восстания объясняет
ующим образом причины, заставившие его подписать
вор:

Гражданская борьба внутри Москвы наносит непопра-
ый вред населению и самому городу. С этой целью для
кончания по инициативе «комитета общественной без-
ности» и представителей города обеими враждующими
онами заключен и подписан договор, текст которого
сем объявляю.

Приказываю, впредь до окончательного разрешения во-
а о способах осуществления этого договора, немедлен-
же прекратить всякие активные боевые действия, допу-

Об этих действиях дезертиров Октябрьской револ Центральный комитет большевистской партии в своем р яснении, опубликованном в «Правде», говорит:

«Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и вета народных комиссаров: Каменев, Зиновьев, Ногин, ков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4 ноя из ЦК нашей партии и три последних—из Совета на ных комиссаров. В такой большой партии, как наша смотря на пролетарский революционный курс нашей п тики, не могло не оказаться отдельных товарищей, н статочно стойких и твердых в деле борьбы с врагами рода.

Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поис неизмеримы, трудности огромны, — и несколько чл нашей партии, занимавшие раньше ответственные пс дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из на среды.

Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по по этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат ги большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи ступили как дезертиры, не только покинув вверенные посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей па о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений троградской и московской партийных организаций. Мы шительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убе ны, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, надлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, т решительно осудят поступок дезертиров».

Московская партийная организация сразу же откли лась на призыв ЦК и самым решительным образом осу поведение тт. Рыкова, Ногина, Милютина и других чле партии, оставивших в самый тяжелый ответственный пролетарской революции момент свои посты, на кото они были поставлены партией. Пленарное заседание сковского областного бюро в своем постановлении от 10 ября требовало исключения упомянутых товарищей из дов партии.

Аналогичное решение против тт. Рыкова, Ногина и других колебавшихся товарищей приняла и III Московская городская конференция большевиков и также московский окружной комитет. Когда тт. Рыков и Ногин пытались выступить на этой конференции для защиты своей точки зрения, то им не дали говорить, встретив их шумом и возгласами: долой дезертиров!

Таким образом мы видим, что, несмотря на колебания отдельных руководящих работников как во время октябрьских боев, так и после побед революции, московские большевики стояли на правильной ленинской позиции и решительно боролись с оппортунистами и колебавшимися элементами как в период подготовки, так и в момент победы Октября.

Победа пролетарской революции

Контрреволюция была разгромлена. Подписанием договора белые открыто признали свое поражение, и этим признали также, что Военно-революционный комитет является единственным органом власти в Москве. Правда в приказе Рябцева, разосланном после подписания договора по гарнизону, он ни слова не обмолвился о поражении контрреволюции и о существовании ВРК. В этом последнем приказе руководитель контрреволюционного восстания объясняет следующим образом причины, заставившие его подписать договор:

«Гражданская борьба внутри Москвы наносит непоправимый вред населению и самому городу. С этой целью для ее окончания по инициативе «комитета общественной безопасности» и представителей города обеими враждующими сторонами заключен и подписан договор, текст которого при сем объявляю.

Приказываю, впредь до окончательного разрешения вопроса о способах осуществления этого договора, немедленно же прекратить всякие активные боевые действия, допу-

ская применение огнестрельного или холодного оружия лишь в случаях самообороны.

Представители противной стороны взяли на себя, при контроле нейтральной стороны, обязательство также о немедленном прекращении аналогичных боевых действий. Приказываю разъяснить всем техническую трудность проведения этого в короткий срок, не проявлять нервности и не поддаваться провокации в случаях обстрела в отдельных пунктах.

О случаях крупных действий доносить немедленно для принятия мер. Всем вверенным мне войсковым частям, расположенным по городу для обороны, приказываю оставаться в том же положении, в котором они находятся сейчас в момент объявления настоящего приказа.

В настоящее время производятся переговоры, имеющие целью выработать гарантии наибольшей личной безопасности.

Будут приняты меры, дабы оградить всех военнослужащих и их семьи от всякого посягательства и эксцессов.

Если бы для этого пришлось переменить место всего отряда или произвести ту или иную перегруппировку, то иметь в виду, что на это последует особое приказание и что эти передвижения, если они состоятся, будут иметь задачей только поставленную цель: ограждение безопасности и неприкосновенности, и ничего больше.

Гражданская борьба, согласно постановлению высшего в Москве политического органа — «комитета общественной безопасности», окончена.

Подписал командующий войсками Московского военного округа генерального штаба полковник Рябцев».

Вскоре затем самому Рябцеву пришлось почувствовать власть ВРК, отстранившую его специальным приказом от занимаемой должности. Вождь контрреволюции был вынужден сойти со сцены, и новый революционный орган власти первого пролетарского государства в мире со 2 ноября становится полновластным хозяином Москвы.

В этот день ВРК обращается к населению Москвы своим историческим приказом № 1, в котором он пишет:

МАНИФЕСТЪ

Военно-Революціоннаго Комитета Московскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Ко всѣмъ гражданамъ Москвы.

ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ!

[illegible]

Слава павшимъ въ великой борьбѣ.

Да будетъ ихъ дѣло—дѣломъ живущихъ

Военно-Революціонный Комитетъ Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ.

«Приказ № 1» от Военно-революционного комитета.

С пятницы, 3 ноября, все магазины, лавки, трактиры, молочные и чайные должны быть отперты в часы, назначенные для торговли. За выполнением приказа должны строго следить районные комиссары.

Член Военно-революционного комитета А. Ведерников».

В этом приказе ВРК сообщает населению, что бои закончены, что революция одержала решительную победу также и в Москве, а на следующий день 3 ноября ВРК в своем манифесте об этой победе извещает всю страну, весь мир:

«Манифест Военно-революционного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Ко всем гражданам Москвы!

Товарищи и граждане!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты на-

голову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть советов рабочих и солдатских депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петроградского пролетариата и гарнизона. Под грохот мировой войны в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского съезда советов. Это — власть самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это — власть мира и свободы. Это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимет против нее вооруженную руку, будет сметен революционным народом.

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии объявила восстание против народного правительства. Ей нужно было снова возвратить землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и Красной рабочей гвардии спас революцию.

Сломив сопротивление врага, Военно-революционный комитет объявляет от имени рабочих и солдат:

Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города. Фабрики и заводы будут пущены в ход по приказу комитета. Банки, конторы и магазины откроются по распоряжению. Все будет сделано для обеспечения народа продовольствием. Нарушители революционного порядка — грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом — будут судимы беспощадным судом.

Товарищи и граждане!

Весь мир переживает колоссальный кризис. Война, вызванная капиталом, привела к глубокому потрясению, всколыхнув рабочие массы во всех странах. Повсюду нарастает революция пролетариата. И русскому рабочему классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржу-

азии. Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своею кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело делом живущих!

Военно-революционный комитет совета рабочих и солдатских депутатов».

Похороны павших героев

4 ноября вышел в свет последний 6-й номер «Бюллетеня», издававшегося Военно-революционным комитетом. Этот номер вышел в траурной рамке и посвящен памяти героев, отдавших свою жизнь за пролетарскую революцию. Через несколько дней спустя все трудящиеся Москвы хоронили героев, павших во время октябрьских боев. Накануне похорон темные элементы контрреволюции распространили слух, что во время похорон начнутся погромы и новые кровавые столкновения. В связи с этими слухами ВРК перед похоронами выпустил следующее объявление:

«Товарищи и граждане! Контрреволюционерами ведется усиленная агитация за устройство погромов в день похорон жертв революции. Военно-революционный комитет объявляет, что он прибегнет к самым крайним мерам против зачинщиков погромов и их попустителей. Красная гвардия будет охранять личность и имущество граждан всеми средствами, пуская в ход оружие при малейшем сопротивлении».

Однако погромщики и контрреволюционеры не посмели выступить в день похорон, когда сотни тысяч вооруженных солдат и рабочих под звуки похоронного марша и «Интернационала» маршировали за гробами убитых белогвардейцами героев революции.

Похороны представляли собою грандиозную картину,

невиданную до тех пор не только в Москве, но и во всем мире. Вот как Джон Рид в своей знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли весь мир», описывает эти похороны:

«...На Красную площадь по всем улицам стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи истощенных, измученных трудом и бедностью людей. Пришел военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа подхватили гимн. Медленно и торжественно разливался он по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социальной революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!»

Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамена. Шли все новые и новые рабочие из отдаленнейших районов города, со всех фабрик и заводов: они несли сюда своих убитых. Под воротами видны были черные толпы, шумели знамена, колыхались темнокрасные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок, обмазанные красной краской. Грубые, крепкие люди несли их на плечах, и у многих стояли в глазах слезы. За гробами шли женщины, и одни из них громко плакали и рыдали, а другие шли молча, и лица их были мертвенно бледны. Иногда попадались открытые гробы, за которыми товарищи отдельно несли крышки; иные гробы были покрыты золотой или серебряной парчей, на некоторых были укреплены солдатские шапки. Часто попадались венки из безобразных искусственных цветов.

...Между толпами рабочих шли отряды солдат: они тоже несли свои гробы. Здесь были и кавалерийские эскадроны, выступавшие в парадном порядке, и артиллерийские батареи, пушки которых были увиты красной и черной материей—увиты, казалось, навсегда. На знаменах воинских частей были надписи: «Да здравствует III Интернационал!» или «Требуем всеобщего справедливого демократического мира!» Участники похорон медленно подносили гробы к могиле, а затем несшие покойников спускались в ямы и ставили

гробы на дно. Многие из них были женщины—крепкие, коренастые пролетарки. А за гробами шли другие женщины—молодые женщины, разбитые горем, морщинистые старухи, кричавшие диким животным криком. Многие из них бросались в могилу за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки...

Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с нее по Никольской улице. То было целое море красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства, ошеломляющие пророчества. И эти знамена развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира...

Один за другим улеглось в землю пятьсот гробов. Уже спускались сумерки, а знамена все еще развевались и шелестели в воздухе, оркестр играл похоронный марш, и огромная толпа вторила ему пением. Над могилой, на обнаженных сучьях, словно странные разноцветные цветы, висели венки. Две тысячи людей взялись за лопаты и стали засыпать могилы. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

Зажглись фонари. Проплыло последнее знамя, прошла с ужасной напряженностью, оглядываясь назад, последняя плачущая женщина. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади...»[1].

Трудящиеся Москвы отдали последний долг сотням рабочих и солдат, погибших смертью героев в уличных боях за власть советов, за торжество социализма.

*

15 лет прошло с тех пор, как рабочие и крестьяне с оружием в руках свергли власть капиталистов. Предсказания бессмертного вождя революции В. И. Ленина, сделанные им в историческую ночь 25 октября: «отныне насту-

---

[1] Джон Рид, 10 дней, которые потрясли весь мир.

пает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»,—эти слова В. И. целиком подтвердились.

Под руководством большевистской партии и ее ЦК, который 15 лет тому назад вел пролетарские массы в бой за власть советов, мы теперь одерживаем грандиознейшие победы на всех фронтах социалистического строительства.

Под тем же руководством большевистской партии мы победоносно завершим построение социалистического общества в нашей стране.

---

75 коп. 43292

Издательство ЦК ВКП(б)

ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ

Л. КАГАНОВИЧ. Об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) и задачах Московской организации. (Доклад т. Кагановича на пленуме МК и МГК совместно с секретарями райкомов области и активом московской организации ВКП(б) 8 октября 1932 г.)

32 стр., ц. 10 коп.

С. КИРОВ. Об итогах сентябрьского пленума ЦК ВКП(б). (Доклад на общегородском собрании партактива ленинградской организации ВКП(б) 8 октября 1932 г.)

46 стр., ц. 15 коп.

РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б) 28 сентября — 2 октября 1932 г.

1. О развитии советской торговли. 2. О производстве товаров широкого потребления. 3. О черной металлургии.

29 стр. ц. 10 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в магазины и отделения Партиздата и Книготоргового об'единения Огиза

